

VII 16
I

МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

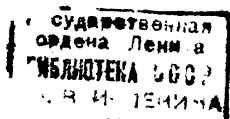
ПОДЪ НАБЛЮДЕНИЕМЪ МОРСКАГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА

РЕДАКТОРЪ ВСЕВОЛОДЪ МЕЛЬНИЦКІЙ

Томъ LIX

№ 6

Іюнь

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА

1862

ОЧЕРКЪ

УТВЕРЖДЕНІЯ РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА АРАЛЬСКОМЪ МОРЬ И РѢКЪ СЫРЬ-ДАРЬЯ СЪ 1847 ПО 1862 ГОДЪ (*).

I.

Общій взглядъ на Оренбургскій край и его будущее значеніе.—Нѣсколько словъ о появленіи здѣсь русскихъ.—Аральское море и Сырь-Дарья.—Утвержденіе русскаго владычества въ степи съ 1833 года.—Возведеніе укрѣпленій въ степи и на Аральскомъ морѣ.—Аральская флотилія.

1847—1852.

Въ правительственномъ смыслѣ подъ именемъ Оренбургскаго края разумѣется громаднѣйшее пространство земли, касающееся на сѣверѣ къ р. Камѣ, на западѣ къ Волгѣ, на югѣ къ Каспійскому и Аральскому морямъ и рѣкѣ Сырь-Дарьѣ, а на востокѣ къ рѣкѣ Сары-Су и горамъ Уду-Тау. Кромѣ Оренбургской и Самарской губерній, земель оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ, край этотъ заключаетъ въ себѣ обширныя степи, населенныя кочующими киргизами.

Не взирая на малую населенность свою, на безплодныя и пустынные степи, отдѣляющія торговые пункты Каспійскаго моря отъ плодородныхъ оазисовъ, лежащихъ по теченію рѣкъ Сырь и Аму-Дарьи; не смотря на трудность сообщенія нашихъ восточныхъ губерній съ среднеазиатскими владѣніями, край этотъ имѣетъ для Россіи весьма большую важность. И если настоящее положеніе его заставляетъ желать еще многого, то—нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ ему предстоитъ блестящая роль — сдѣлаться главнымъ проводникомъ

(*) Настоящій очеркъ можетъ служить введеніемъ къ статьѣ: «Взглядъ на Аральскую флотилію въ отношеніи къ среднеазиатской торговлѣ»,—которую редакція полагаетъ помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Мор. Сб.

среднеазиатской торговли съ западною Европою, и на своихъ рынкахъ обмѣнивать русскія произведенія на среднеазиатскіе товары.

Когда нибудь впослѣдствіи, мы представимъ подробный и систематическій очеркъ, какъ постепеннаго распространенія Россіи въ этомъ краѣ, такъ и сношеній ея съ среднею Азіею. Теперь же, для современнаго знакомства читателя съ послѣдними событіями на Сырь-Дарьѣ, мы бросимъ взглядъ на распространеніе нашего владычества за послѣднія 15 лѣтъ. О событіяхъ до того времени мы скажемъ только нѣсколько словъ.

Распространеніе Россіи за Волгу и Уралъ началось въ XVI вѣкѣ съ паденіемъ царства Казанскаго и Астраханскаго. Но ни внутреннее положеніе Россіи, ни политическія обстоятельства того времени, конечно, не сообщали ни мало важности этому распространенію нашему на востокъ. Съ воцареніемъ Михаила Феодоровича донскіе казаки, поселившіеся въ XVI в. на Яикѣ, принимаютъ подданство Москов. царства, и расширеніе Россіи на востокъ начинается и съ Яика. (*)

Въ 1574 году, коренные обитатели Оренбургскаго края—башкиры, сами просятъ о построеніи среди ихъ русскаго города. Съ построеніемъ Уфы, Самары и другихъ городовъ, Башкирія навсегда была закрѣплена за Россіею, и всѣ бывшіе съ этого времени бунты оканчивались жестокимъ наказаніемъ непокорныхъ башкиръ.

Петръ Великій былъ первымъ государемъ русскимъ, который, съ свойственною ему проникательностію, понялъ важность и значеніе завожскаго края для Россіи. Въ 1722 году, будучи въ Астрахани, онъ высказалъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, говоря, что «хотя де оная киргизская орда степной и легкомысленный народъ, токмо де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ, оная орда ключъ и врата.»

Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Петра, Абдулъ-Хаиръ, ханъ меньшей киргизской орды, тѣснимый джунгарами и тревожимый башкирами и калмыками, принялъ подданство Россіи и присягнулъ Аниѣ Іоанновнѣ въ 1732 году. Чтобы присяга эта произвела практическія послѣдствія, нужно было перенести русскую военную границу далеко на югъ. И дѣйствительно, благодаря успіямъ первыхъ правителей края—Кирилова, Татищева и Неплюева,—Омскъ и Уральскъ, въ промежуткѣ между которыми къ югу отъ Уфы существовалъ до 1730 годовъ лишь пригородъ Сакмарекъ, основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, а въ 1727 году занятый яицкими казаками, связались въ скоромъ времени заселенною линіею по берегамъ Урала и Уя. Съ этого времени не только безпрестанные бунты башкировъ и набѣги киргизовъ, но даже и самая пугачевщина не могли уже свергнуть русское владычество съ этихъ странъ, а черезъ сто лѣтъ послѣ

(*) Рѣка Уралъ.

принятія въ подданство киргизовъ и караколпаковъ, Россія уже прочною ногою стояла на Аральскомъ морѣ и на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, о которыхъ необходимо сообщить нѣсколько характеристическихъ данныхъ.

Греки, говоря о Яксартѣ и Оксусѣ, единогласно и положительно утверждаютъ, что обѣ эти рѣки впадали въ Каспійское море. Отъ этого утвердилось мнѣніе, что въ древности Аральское море составляло часть Каспійскаго. Гумбольдтъ, однако, этого не признаетъ и находитъ, что какъ бы ни была нова формація Усть-Урта—перешейка между обоими морями, все таки онъ долженъ былъ не допускать подобнаго соединенія. Первые намеки на существованіе Аральскаго моря появляются у европейскихъ путешественниковъ не ранѣе XVI вѣка. Русскіе, впрочемъ, давно уже знали о существованіи «Синяго», какъ называли они, моря, въ которое «съ востока впадала рѣка Сыръ» (*), но, не имѣя близкихъ сношеній съ Европою, конечно, ничего не могли сообщить западу. Только съ подчиненіемъ киргизскихъ степей, и главнымъ образомъ съ 1840 годовъ получены были вѣрные свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ, которое заключаетъ въ себѣ площадь въ 1100 квадратныхъ географическихъ миль. Отъ значительнаго количества вливающихся въ него водъ изъ рѣкъ Аму и Сыръ-Дарьи, вкусъ воды въ озерѣ хотя и горькосоленый, но въ значительной степени менѣе, нежели въ океанѣ. Изъ рыбъ въ морѣ водятся небольшіе осетры, шипы, сомы, усахи, сазаны, и особый родъ сельдей. Тюленей, которые въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ Каспійскомъ морѣ, въ Аральскомъ нѣтъ вовсе. Мелей въ открытомъ морѣ нѣтъ; онѣ встрѣчаются только около песчаныхъ и низменныхъ береговъ.

Море это принадлежитъ къ числу бурныхъ и безпокойныхъ. Вѣтеръ начинаетъ крѣпчать здѣсь вдругъ, разводитъ большое волненіе и потомъ, стихнувъ, оставляетъ послѣ себя зыбь, при которой нѣтъ никакой возможности лавировать. Ровныхъ вѣтровъ, которые бы дули по нѣсколько сутокъ сряду, почти не бываетъ: большею частью или стоятъ штили, или крѣпкіе вѣтры, а весьма часто и жестокіе штормы. Для успѣшнаго плаванія по морю нужны мелкосидящіе въ водѣ желѣзные пароходы. Хорошихъ якорныхъ стоянокъ, закрытыхъ отъ всѣхъ вѣтровъ, почти нѣтъ.

Берега моря представляютъ совершенную пустыню. Дѣломъ, они, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ мѣстъ югозападнаго и южнаго, вовсе необитаемы. Зимою же киргизскія кочевки встрѣчаются по сѣверному и по восточному берегамъ, а также и на прилежащихъ къ нимъ островахъ. Сѣверный берегъ моря низменъ и песчанъ, очер-

(*) Книга большого чертежа.

чивается гесьма извилисто и образуетъ много заливовъ, полуострововъ и мысовъ. Къ этому берегу примыкають пески «Большіе» и «Малые Барсуки». Западный берегъ очерченъ обрывомъ плоской возвышенности Усть-Урта. Южный берегъ низменъ и состоитъ изъ заросшаго камышомъ, наноснаго изъ Аму-Дарьи ила и изъ песку, намываемаго волненіемъ, происходящимъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Восточный берегъ, къ которому примыкають, сѣвернѣ Сыръ-Дарьи, пески «Кизиль-кумъ», вообще низменъ, извилистъ, песчанъ и покрытъ кустарникомъ и камышомъ.

Рѣка Сыръ-Дарья беретъ начало нѣсколькими истоками изъ снѣговыхъ горъ хребта Белуръ-тага, лежащаго на западныхъ границахъ китайскаго Туркестана (*).

Источники географическихъ свѣдѣній о р. Сыръ Дарьѣ исключительно русскіе. Европейцы почти до нынѣшняго столѣтія не имѣли вѣрныхъ понятій о рѣкѣ, между тѣмъ какъ уже въ книгѣ Большаго Чертежа находятся довольно удовлетворительныя извѣстія объ Аральскомъ (Синемъ) морѣ, о пескахъ Кара-кумъ, о рѣкахъ Сыръ и Сары-Су и о горахъ Кара-тау; а со времени принятія въ 1732 году каракалпаковъ, тогдашнихъ обитателей низовьевъ р. Сыра, въ подданство Россіи, свѣдѣнія объ этомъ краѣ стали болѣе и болѣе расширяться.

Рѣка Сыръ, пройдя Кара-таускія горы, направляется сначала на сѣверо-западъ, а потомъ на западъ къ Аральскому морю и раскоидится на значительное число рукавовъ, разлизовъ и ирригаціонныхъ канавъ, не принимая въ себя взаимнъ этого ни одной рѣчки. Часть р. Сыра отъ верховья до устья рукава Кара-узьяка называется Джаманъ-Дарьей (дурною рѣкою), вѣроятно потому, что она имѣетъ значительно меньшую, противъ прочихъ частей рѣки, ширину, глубину и быстроту теченія, а кромѣ того и необыкновенно извилиста.

Ширина рѣки различна. Въ восточныхъ владѣніяхъ, судя по распроснымъ свѣдѣніямъ, она достигаетъ до 400 сажень; въ русскихъ, выше и ниже Кара-узьяка, отъ 50 до 100 и даже до 250; а въ Джаманъ-Дарьѣ ширина значительно менѣе, чѣмъ въ прочихъ частяхъ рѣки, и мѣстами не превышаетъ 30 сажень. Служиваніе рѣки, по мѣрѣ приближенія къ устью, и особенно въ Джаманъ-Дарьѣ, объясняется неознаградимою ничѣмъ убылью значительной массы воды, отстраняющей отъ главнаго русла въ многочисленные рукава и отчасти въ береговые разливы и ирригаціонныя канавы.

(*) Свѣдѣнія о Сыръ-Дарьѣ взяты изъ статьи г. Макшеева «Описаніе низовьевъ Сыръ-Дарьи», напечатанной въ 1856 г. въ Морскомъ Сборникѣ.

Быстрота теченія рѣки, по замѣчаніямъ капитанъ-лейтенанта Ивашинцова, неодинакова въ разныхъ мѣстахъ и въ разные времена года и дня. Лѣтомъ, при большой водѣ, теченіе имѣетъ выше Кара-узьяка отъ $2\frac{1}{2}$, до 4 узловъ, въ Джаманъ-Дарьѣ отъ 1 до 2 и ниже Кара-узьяка отъ $1\frac{1}{4}$, до $2\frac{1}{2}$, усиливаясь на поворотахъ до 3 и даже до 5 узловъ. Осенью же, при убыли воды, теченіе значительно слабѣе. Кромѣ того, во время экспедиціи 1853 года замѣчено было на пристани Аральскаго укрѣпленія и въ фортахъ: № 2 и Перовскій, что быстрота теченія измѣняется также въ продолженіе дня. Наибольшая быстрота случается по утру около 10 или 11 часовъ, потомъ она уменьшается часовъ до 2 по полудни, послѣ чего опять увеличивается и къ вечеру достигаетъ иногда утренней скорости.

Отъ значительной быстроты теченія и песчано-илистаго грунта дна, вода въ Сырѣ бываетъ постоянно мутна, но довольно скоро отстаивается, совершенно прѣсна и не производитъ никакого вреднаго вліянія на здоровье, не только туземцевъ, но даже вновь прибывающихъ.

Глубина рѣки, подобно ширинѣ и быстротѣ теченія, также различна. Говоря вообще, Сыръ-Дарья течетъ въ глубокомъ и крутобереговомъ корытѣ, такъ что, въ разстояніи сажени и много двухъ отъ берега, вода покрываетъ уже ростъ человѣка, и далѣе глубина достигаетъ отъ 1 до 5 и 6 сажень; но мѣстами, особенно во время низкой воды, встрѣчаются мели и особенно въ Джаманъ-Дарьѣ и въ устьяхъ Сыра.

Сырѣ-Дарья богата рыбою. Въ ней водятся осетры, шипы, сомы, сазаны (карпы), жерехи, судаки, щуки, облы, подлещики и проч.; но для ловли рыбы киргизы имѣютъ весьма скудные средства, а русскіе занимаются рыболовствомъ только для своего собственнаго употребленія, за исключеніемъ, однаго, компаніи рыбнаго промысла на Аральскомъ морѣ, распространяющей свои дѣйствія и на устья рѣки.

По правую сторону Сырѣ-Дарьи находятся слѣдующіе ругана и озера:

Рукавъ Берѣ-казанъ имѣетъ, при своемъ истокѣ изъ рѣки Сыра, ширину до 20 сажень и глубину до $1\frac{1}{2}$ сажени, потомъ продолжается разливами, озерами и проранами, имѣющими разные мѣстныя названія и заросшими большею частію камышомъ, и, наконецъ, исчезаетъ въ Кара-узьякскихъ болотахъ, имѣя всего протяженія болѣе 50 верстъ. Рядъ небольшихъ озеръ или, вѣрнѣе, плесей, окаймляющій сѣверныя окраины кара-узьякскихъ разливовъ, даетъ право предполагать, что Берѣ-казанскій протокъ имѣлъ прежде теченіе

на западъ гораздо далѣе, чѣмъ теперь, и соединялся, по всей вѣроятности, съ Кара-узякомъ, недалеко отъ его устья.

Рукавъ Кара-узякъ не имѣетъ непрерывнаго русла. Онъ состоитъ изъ лабиринта озеръ и прорановъ, находящихся среди сплошныхъ болотъ, заросшихъ камышомъ и простирающихся въ длину отъ форта Перовскій до форта № 2 на 100 и въ ширину отъ 15 до 30 верстъ. Русло прерывается болотами въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ почти на 40 верстъ, а въ другомъ верстъ на 10; отъ этого вода въ устьѣ совершенно чиста, но зато имѣетъ нѣсколько болотистый вкусъ.

Рукавъ Казала имѣетъ сначала опредѣленное русло, при ширинѣ до 20 сажень, глубинѣ до 2 и значительной быстротѣ; но потомъ вода его истощается разливами по камышамъ и пригационнымъ канавамъ, до такой степени, что рукавъ этотъ теряетъ опредѣленное русло и доходитъ до Таль-бугута едва замѣтною канавою, которая уже и не носитъ прежняго названія.

Отъ нижнихъ частей Казалы отходить къ сѣверу долина Агъ-герикъ, заливаемая водою и образующая тогда или одно большое сплошное озеро, или рядъ нѣсколькихъ озеръ, меньшей величины.

Отъ Таль-бугута до Аманъ-уткуля правый берегъ р. Сыра составляетъ низменную долину, заросшую большою частію камышомъ, въ сѣверной части которой образуются озера Ранимъ, Джалангачъ, Коязды и Камышлыбашъ.

Озера не имѣютъ собственныхъ ключей, а поддерживаются посредствомъ канавъ, проведенныхъ изъ р. Сыра. Они суть ни что иное, какъ разливы рѣки по солонцеватой долинѣ; поэтому вода въ нихъ отзывается солоноватостію и подвержена гніенію, если не освѣжать ее текучею водою изъ Дарьи.

Озеро Тщebasъ составляетъ разливъ р. Сыра, длиною до 10 и шириною до 2 верстъ, заросшій камышомъ и ограничивающій съ востока полуостровъ Унадымъ.

По лѣвую же сторону Сыръ-Дарьи находятся слѣдующія рукава и озера:

Рѣка Джаны-Дарья (по-татарски Яны-Дарья, въ переводѣ новая рѣка) есть южный рукавъ Сыра, впадающій въ юговосточную часть Аральскаго моря. По словамъ киргизовъ, рукавъ этотъ образовался въ концѣ прошлаго столѣтія, когда каракалпаки, тѣснимые съ низовьевъ р. Сыра малою Киргизъ-казачьею ордою, должны были искать для своего жительства другихъ мѣстъ. Часть каракалпаковъ подалась тогда вверхъ по рѣкѣ, заняла мѣста, окрестныя нынѣшнему истоку Джаны-Дарьи, и вскорѣ прорыла для хлѣбопашества

большую канаву, изъ которой образовался рукавъ р. Сыра, названный сначала Каракалпакъ-Даръею, а потомъ Джаны-Даръею.

Въ августѣ 1853 года была произведена рекогносцировка верхней части Джаны-Дарьи, на протяженіи около 70 верстъ, по которой оказалось, что рукавъ этотъ, выходя изъ рѣки Сыра, почти въ перпендикулярномъ направленіи, скорѣ поворачиваетъ на западъ и имѣетъ среднюю ширину 20 сажень, глубину мѣстами довольно значительную, берега низменные и покрыты камышомъ, отчего удобныхъ переправъ, особенно при большой водѣ, почти не встрѣчается.

Коканцы запрудили Джаны-Дарью вслѣдъ за основаніемъ Акъ-мечети, съ тою цѣлю, чтобы лишить киргизовъ и каракалпакъ, удалявшихся, отъ ихъ притѣсненій, къ низовьямъ этой рѣки, подъ покровительство хивинцевъ, возможности кочеванія и способовъ къ земледѣлію, и тѣмъ привлечь къ Акъ-мечети. Хивинцамъ не нравилась эта мѣра, и потому при всякихъ возможныхъ сношеніяхъ они не упускали случая хлопотать у коканскаго хана о срытіи плотины, но искательства ихъ оставались тщетными.

Плотина Кара-бугутъ была устроена коканцами двумя верстами ниже выхода Джаны-Дарьи изъ Сыра, около развалинъ укрѣпленія Сандыкъ-курганъ, гдѣ дно русла нѣсколько возвышенно и вязко, а ширина рукава не болѣе 6 сажень; но плотину эту напоромъ воды довольно часто срывало, и коканцы пытались не разъ запрудить рѣку въ другомъ мѣстѣ и особенно при самомъ истокѣ Джаны-дарьи, гдѣ плотина подвергалась бы меньшему напору воды и была бы прочнѣе.

Въ октябрѣ 1853 года прежняя коканская плотина, около развалинъ Сандыкъ-кургана, разрушенная въ 1852 году киргизскимъ батыремъ Бухарбаемъ, была восстановлена нами, съ тою цѣлю, чтобы, отвлеченіемъ воды отъ Джаны-Дарьи, поднять нѣсколько уровень р. Сыра, что крайне необходимо для успѣшнаго плаванія по рѣкѣ пароходовъ; но скоро напоромъ воды ее прорвало.

Рѣка Куванъ-Дарья течетъ сначала на югъ, потомъ на западъ и, раздѣляясь на три рукава, образуетъ разливъ, заросшій камышомъ. На всемъ протяженіи отъ истока до раздѣленія на рукава, около 55 верстъ, Куванъ-Дарья довольно глубока и имѣетъ около 30 сажень ширины, быстроту теченія отъ 1 до 2 узловъ и берега низменные, покрыты камышомъ и отчасти луговой травой.

Сплошной разливъ, образовавшійся рукавами Куванъ-Дарьи, имѣетъ протяженіе въ длину отъ востока къ западу до 70 верстъ и въ ширину до 20. Недалеко отъ лѣваго берега разлива, верстахъ въ 80

отъ бывшаго форта № 3, находится оставленное нынѣ хивинское укрѣпленіе Ходжаніасъ.

Отъ Ходжаніасовскаго укрѣпленія до устья, русло Кувана чрезвычайно извилисто.

Верстѣ за 10 до Аральскаго моря, русло Куванъ-Дарьи раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые теряются въ камышахъ.

Сухой протокъ Дарьилыкъ соединялъ прежде Джаманъ-Дарью съ Куванъ-Дарьею; онъ имѣетъ болѣе 120 верстѣ протяженія.

Рукавъ Бишъ-арамъ выходитъ изъ р. Сыра при урочищѣ Учъ-ургъ и направляется сначала на югозападъ. Раздѣляясь вскорѣ послѣ своего выхода изъ Сыра на нѣсколько рукавовъ, Бишъ-арамъ разливается по камышамъ и образуетъ болота. Длина теченія Бишъ-арама простирается по юго-западному направленію на 30 и по южному на 20, а всего на 50 верстѣ. Вода въ рукавѣ, какъ и въ другихъ протокахъ, имѣющихъ нѣкоторое теченіе, прѣсная.

Канавы, или каналъ Кара-арыкъ, соединяетъ, на протяженіи 50 верстѣ, р. Сыръ съ Аральскимъ моремъ. Вода въ Кара-арыкѣ въ 1851 году текла только верстѣ на 20. Въ низовьяхъ р. Сыра чрезвычайно много подобныхъ каналовъ, скромно называемыхъ туземцами канавами (арыкъ).

Отъ Таль-бугута до Аманъ-уткуля, лѣвый берегъ р. Сыра, подобно правому, составляетъ низменность, залитую водою, заросшую камышомъ и называющуюся озеромъ Кара-куль. Озеро это имѣетъ въ длину по теченію рѣки 15 верстѣ, а въ ширину отъ 6 до 9. Въ юговосточной части его образуется открытый и довольно большой заливъ Карасу, который имѣетъ до 7 сажень глубины.

Около переправы Аманъ-уткуль находятся два озера Сары-куль, изъ коихъ каждое имѣетъ около версты въ квадратѣ и поддерживается водою изъ рѣки.

Характеръ мѣстности бассейна низовьевъ Сыръ-Дарьи обусловливается вліяніемъ на нее водъ.

Тамъ, гдѣ берега рѣки или ея рукавовъ весьма низменны, образуются постоянные разливы, заросшіе сплошь высокими и густыми камышомъ, или болота. Почва болотъ бываетъ большею частію съ примѣсью наноснаго пла. Рукава Беръ-казанъ, Кара-узаякъ, Казала, верховья Джаны-Дарьи, Куванъ-Дарья, между бывшими фортомъ № 3 и Ходжаніасовскимъ укрѣпленіемъ, рукава Бишъ-арамъ и Утутляу, и наконецъ Сыръ-Дарья между Таль-бугутомъ и Аманъ-уткулемъ сопровождаются по обоимъ берегамъ довольно обширными болотами.

Берега, не очень низменные, незаливаемые водою постоянно, а только по временамъ, и удобряемые такимъ образомъ иломъ, состав-

ляютъ луговья мѣста, т. е. пространства, покрытыя мелкимъ камышомъ съ примѣсю луговыхъ травъ остреца, ржаника, вязили и проч. Такія мѣста встрѣчаются полосами, болѣе или менѣе широкими, по берегамъ рѣки Сыра и ея рукавовъ; но особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ берега р. Сыра выше Джаманъ-Дарьи и берега верховьевъ Джаны и Куванъ-Дарьи, а также берега р. Сыра отъ Майлибаша до истока Казалы.

На луговыхъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ родовъ кустарника, которыми обильна вся южная часть Киргизской степи, растутъ тальникъ, джидовникъ (родъ дикой финики) и даже тополь (туранга). Тальникомъ покрыта значительная часть острововъ р. Сыра; джидовникъ начинаетъ встрѣчаться около Казалы, а у форта Перовскій и далѣе вверхъ образуетъ собою мѣстами довольно большіе сплошные лѣса. Тополь попадаетъ рѣдко, и то только на пространствахъ отъ форта Перовскій до Джюлека. Въ саду Тулюпъ есть нѣсколько тутовыхъ деревьевъ, а въ садахъ Аральскаго укрѣпленія удачно прижились многія фруктовые и виноградъ.

Мѣста, вовсе не подверженныя наводненію, образуютъ солонцеватыя степи, на которыхъ не растетъ почти ничего, кромѣ джюсана (полыни) и хвойныхъ кустарниковъ саксаула, жангыла (гребенщика), джюзгуна, чингила (колючки) и многихъ другихъ, встрѣчающихся также на пескахъ и на лугахъ. Болота, луговья мѣста, пашни и пески, непосредственно примыкающіе къ правому берегу р. Сыра отъ Джюлека до урочища Акъ-суатъ, окаймляются солонцеватыми степями, которыя тянутся на сѣверъ почти до самыхъ Тургаевъ, образуя такъ называемую голодную степь. Пространство между рѣками Сыромъ и Куваномъ занято большею частію также солонцеватою степью.

Пашни могутъ быть какъ на луговыхъ мѣстахъ, такъ и на солонцеватыхъ степяхъ, лишь бы только мѣстность была удобна для искусственнаго орошенія, придающаго землѣ влажность и удобряющаго ее иломъ; на солонцеватыхъ земляхъ хлѣбъ родится даже лучше, чѣмъ на луговыхъ. Хлѣбопашествомъ въ настоящее время занимаются по правому берегу р. Сыра отъ Джюлека до Джаманъ-Дарьи и по обоимъ берегамъ той же рѣки ниже Майлибаша, а также около бывшаго хивинскаго укрѣпленія Ходжаниасъ и русскихъ фортовъ № 2 и № 3. Остатки ирригаціонныхъ канавъ свидѣтельствуютъ, что въ прежнее время хлѣбопашествомъ занимались также и въ другихъ мѣстахъ и особенно по правому берегу Кара-узьякскихъ болотъ, между Кара-узьякомъ и Джаманъ-Дарьею, по верховьямъ Джаны и Куванъ-Дарьи, по низовьямъ Куванъ-Дарьи и проч.

Кромѣ описанныхъ родовъ мѣстности, въ низовьяхъ рѣки Сыра встрѣчаются значительныя пространства песковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ Кара-кумъ, который занимаетъ пространство, имѣющее 225 верстъ длины по меридіану и отъ 130 до 200 ширины, и ограниченное съ сѣвера озеромъ Челкаромъ и низовьями р. Иргиза, съ запада солонцеватою степью и Аральскимъ моремъ, съ юга р. Сыромъ отъ устья до урочища Акъ-суатъ и съ востока голодною степью. Пространство это покрыто большею частію сыпучими и бугристыми песками, которые перемежаются солончаками и солонцеватыми долинами. Здѣсь нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного прѣснаго озера, и вода, годная для употребленія, добывается исключительно изъ однихъ только колодезѣй или копаней (кудуковъ), вырывааемыхъ обыкновенно въ небольшихъ котловинахъ среди бархановъ или сыпучихъ песчаныхъ бугровъ. Доступы чрезъ барханы весьма затруднительны и для повозокъ почти невозможны. Вода изъ копаней не всегда хорошаго качества и, кромѣ того, весьма скоро портится; передъ употребленіемъ ея, необходимо очищать копани. Растительность на пескахъ слабая, хотя нѣсколько лучше, чѣмъ на солонцеватыхъ степяхъ; но кустарника довольно.

Свойства грунта и недостатокъ воды и подножнаго корма чрезвычайно затрудняютъ слѣдованіе чрезъ Кара-кумъ, и только одни одиночныя верховыя киргизы могутъ проѣзжать ихъ отъ колодезѣй до колодезѣй, по всѣмъ направленіямъ. Всѣ же перекочевывающіе киргизы, бухарскіе караваны, слѣдующіе въ Оренбургъ и Орскую крѣпость и обратно, и русскіе транспорты проходятъ Кара-кумъ по единственной, давно извѣстной азіатцамъ, дорогѣ, направляющейся отъ бывшаго Аральскаго укрѣпленія, или отъ переправъ на Сырѣ ниже Майлибаша, къ сѣверо-восточной оконечности залива Сарычаганага и по западнымъ окраинамъ песковъ къ Уральскому укрѣпленію или къ урочищу Мана-ауліе. Дорога эта безспорно лучшая во всѣхъ отношеніяхъ для сообщенія низовьевъ р. Сыра съ линіею; она идетъ большею частію по солонцеватымъ долинамъ и только въ немногихъ мѣстахъ захватываетъ песковъ; копани встрѣчаются на каждомъ переходѣ, въ довольно значительномъ числѣ.

Къ востоку отъ песковъ Кара-кумъ тянется широкая полоса безводной солонцеватой степи, извѣстной подъ именемъ голодной, вплоть до озера Балхашъ. По ней проходятъ, хотя съ трудомъ, не только бухарскіе и ташкентскіе караваны въ Троицкъ и Петропавловскъ; но съ 1853 года стали ходить въ осеннее время и наши въ фортъ Перовскій.

Относительно песковъ надобно замѣтить, что, не смотря на свою чрезвычайно скудную природу, они представляютъ гораздо болѣе

удобствъ для кочевовъ, чѣмъ солонцеватыхъ степи. Въ пескахъ, вырывая копани (кудуки), почти всегда можно найти воду, годную для употребленія; между тѣмъ какъ солонцеватыхъ степи большею частію безводны, и если среди ихъ встрѣчаются иногда колодцы, то весьма глубокіе и съ водою чрезвычайно дурною. Въ пескахъ есть даже травы, годныя для корма лошадей, какъ напримѣръ ржаникъ; солонцеватыхъ же степи представляютъ только пастбища для верблюдовъ. Кромѣ того, пески доставляютъ своими буграми (барханами) хорошее прикрытіе для лошадей и для скота отъ зимнихъ бурановъ. По этимъ причинамъ они считаются вообще мѣстами, удобными для зимовокъ.

Свѣдѣнія о низовьяхъ р. Сыра, болѣе положительныя, мы начали приобрѣтать съ начала прошлаго столѣтія или со времени основанія Оренбургской линіи и принятія киргизъ-казаковъ и каракалпаковъ въ подданство Россіи, что было въ 1730 годахъ.

По рѣкѣ Сыру въ то время обитали каракалпаки. Они имѣли своихъ хановъ, но власть ихъ была незначительна и находилась болѣе въ рукахъ хаджей, которыхъ, какъ и вообще людей грамотныхъ и знающихъ магометанскій законъ, было у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ у киргизовъ. Главное занятіе каракалпаковъ заключалось въ хлѣбопашествѣ. Лошадей они имѣли немного, но за то были богаты рогатымъ скотомъ, который продавали на мѣстѣ и въ окрестностяхъ, а болѣе всего въ Хивѣ. Порохъ, свинецъ и ружья изготовляли сами, какъ для защиты себя отъ киргизовъ, такъ и для продажи имъ же. Отъ набѣговъ спасались въ земляныхъ городахъ. Зимой кочевали въ камышахъ и преимущественно около Аральскаго моря, куда приходили иногда на зиму и киргизы Малой орды.

Какъ народъ земледѣльческій и миролюбивый, каракалпаки много терпѣли отъ своихъ сосѣдей киргизовъ и охотно искали себѣ защиты у другихъ народовъ. Верхніе каракалпаки отдались въ началѣ прошлаго столѣтія подъ покровительство зюнгоръ, а нижніе рѣшились послѣдовать примѣру малой казачьей орды, изъявившей въ 1730 году, чрезъ хана своего Абуль-Хаира, желаніе вступить въ подданство Россіи. Въ 1732 году переводчикъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, мурза Тевкелевъ, посланный въ орду для приведенія киргизовъ къ присягѣ, прикочевалъ вмѣстѣ съ Абуль-Хаиромъ къ устью р. Сыра. Каракалпаки, пользуясь этимъ случаемъ, немедленно приняли, вмѣстѣ съ ханомъ своимъ Каипомъ, присягу на подданство Россіи. Вслѣдствіе этого въ инструкціи, данной 18-го мая 1734 года статскому совѣтнику Кирилову, при отправленіи его для устройства Оренбургскаго края, между прочимъ было сказано доставить врученную ему грамоту каракалпакскому хану и стараться

завести на Аральскомъ морѣ пристань и вооруженныя суда. Ни то, ни другое не могло быть, однако, исполнено по причинѣ неустройствъ въ новомъ краѣ. Грамата была вскорѣ возвращена въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; а укрѣпленіе и суда заведены въ низовьяхъ р. Сыра только съ 1847 года.

По прекращеніи сношеній съ нами, каракалпаки много и долго страдали отъ грабежей Абуль-Хаира и его дѣтей, пока не были ими совершенно вытѣснены съ низовьевъ р. Сыра, и одни изъ нихъ переселились въ хивинскія, а другіе въ бухарскія владѣнія.

Съ удаленіемъ каракалпаковъ, низовья р. Сыра остались въ рукахъ однихъ киргизовъ. Изъ нихъ многіе занялись хлѣбопашествомъ и образовали собою постоянныхъ обитателей этихъ мѣстъ; а другіе стали прикочевывать сюда съ своими стадами только на зиму. Говорятъ, что въ прежнее время было здѣсь гораздо болѣе и тѣхъ и другихъ; но вслѣдствіе грабежей и насильствъ коканцевъ и хивинцевъ, пріобрѣтшихъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, незаконное вліяніе на низовья р. Сыра, край этотъ значительно опустѣлъ. Показанія эти подтверждаются множествомъ встрѣчающихся здѣсь брошенныхъ пашень, канавъ, плотинъ и резервуаровъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія коканцы не имѣли въ низовьяхъ р. Сыра никакихъ осѣдлыхъ пунктовъ и не пользовались никакимъ вліяніемъ на кочевавшихъ здѣсь киргизовъ; но послѣ завоеванія въ 1814 году г. Туркестана, прельщенные возможностью распространить предѣлы своего владычества еще далѣе, стали вмѣшиваться въ дѣла ордынцевъ и требовать съ нихъ зякетъ. Киргизы противились требованіямъ коканцевъ, и между обоими народами начались непрерывныя набѣги, въ которыхъ погибло много людей и съ той и съ другой стороны. Наконецъ коканцы, утомясь постоянною борьбою, но не оставляя мысли упрочить свое вліяніе на киргизовъ, рѣшились занять нѣсколько пунктовъ на р. Сырѣ ниже Туркестана, и вслѣдствіе этого явились одно за другимъ коканскія укрѣпленія: Джаны-курганъ, Джюлекъ-Акъ-мечеть, Кумышъ-курганъ, Чимъ-курганъ, Кошъ-курганъ и другія. Главное и важнѣйшее изъ нихъ, Акъ-мечеть, было построено, по словамъ киргизовъ, около 1817 года на лѣвомъ берегу р. Сыра и чрезъ годъ перенесено на правый. Часть низовьевъ р. Сыра, занятая такимъ образомъ коканскими укрѣпленіями, составила пограничную область Коканіи, управлявшуюся до 1853 года акъ-мечетскимъ бекомъ, который находился въ зависимости отъ ташкентскаго правителя, но, пользуясь несогласіями между Ташкентомъ и Коканомъ, часто дѣйствовалъ самоуправно.

Построеніемъ укрѣпленій коканцы достигли своей цѣли. Киргизы, привыкшіе зимовать по Сыру на удобныхъ мѣстахъ, принуждены

были покориться и безпрекословно стали вносить зякетъ; но коканцы не ограничились этимъ и не перестали грабить и притѣснять ихъ всячески. Тогда многіе изъ киргизовъ начали переходить къ хивинцамъ; но эти переходы стоили имъ дорого. Поставленные между двухъ огней, киргизы терпѣли отъ мщенія и того и другаго народа, и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ принуждены были прикочевывать къ коканскимъ и хивинскимъ укрѣпленіямъ, а другіе разбрелись по степямъ въ разныя стороны.

Руководясь исключительно одною корыстію, коканцы ознаменовали свое владычество непомѣрными поборами, хищническими набѣгами, грабежомъ и насиліями всякаго рода.

«Сборъ съ киргизъ», говоритъ г. Осмоловскій, «коканцы раздѣляли на два разряда: со скота—зякетъ и съ хлѣба—ихрадъжъ.

«Въ противность всѣмъ магометанскимъ законамъ, опредѣляющимъ взимать со скота сороковую часть, коканцы брали, помощію всѣхъ возможныхъ насилій, ежегодно до 6 барановъ съ кибитки, а съ богатыхъ киргизовъ вдвое болѣе; въ это число не входили еще подарки, даваемые киргизами какъ главному зякетчи, такъ и его помощникамъ.

«Съ хлѣба коканцы брали треть урожая, а отъ нѣкоторыхъ киргизъ, кочующихъ при укрѣпленіяхъ, взаимнъ ихраджа зерномъ принимали печеные хлѣбы и просовую кашу. Къ числу ихраджа принадлежатъ еще сборы дровами, углемъ и сѣномъ. Съ каждой кибитки взыскивалось въ годъ 24 мѣшка угля, 4 вьюка на быкахъ саксаульника и 1000 сноповъ камыша съ травою. Съ киргизъ, отдаленныхъ отъ укрѣпленій, взаимнъ этихъ сборовъ натурою, брали скотомъ, или хлѣбомъ, по оцѣнкѣ самихъ коканцевъ.

«Кромѣ зякета и ихраджа, на киргизахъ лежали еще слѣдующія повинности:

«1) Работы на коканцевъ, т. е. воздѣлываніе пашень, огородовъ, поправка крѣпостныхъ стѣнъ и проч. Каждая кибитка высылала для этого ежемѣсячно одного человѣка на недѣлю, на своемъ иждивеніи. Отдаленные киргизы за наемъ взаимнъ себя работниковъ платили скотомъ.

«2) Очищеніе конюшенъ, хлѣвовъ и проч. въ крѣпостяхъ, производимое шесть разъ въ годъ. На эту работу выгонялись киргизы какіе попадутся, большею частію изъ кочующихъ близъ укрѣпленій, безъ соблюденія очереди.

«3) Въ случаѣ войны, или набѣга, каждый здоровый киргизъ, по назначенію коканцевъ, долженъ былъ служить на своемъ иждивеніи и на своей лошади, сколько бы времени не продолжалась эта служба.

«Тяжесть налоговъ и повинностей увеличивалась еще для бѣдныхъ итенчей отъ насилій коканцевъ, которые, ведя жизнь праздную и развратную, часто ѣздили въ киргизскіе аулы безчестить женщинъ, и въ противность Шаріата женились на киргизкахъ безъ калыма. Все это положило печать нищеты и рабства на коканскаго киргиза.»

Къ числу дѣйствій, которыми ознаменовали себя коканцы въ низовьяхъ р. Сыра, надобно еще отнести хищническіе набѣги, посредствомъ которыхъ они дѣйствовали на дальнихъ киргизовъ.

Этими-то варварскими средствами Акъ-мечеть держала, до 1853 года, окрестный край въ страхѣ и повиновеніи, на что не имѣла не только права, но даже и матеріальныхъ средствъ. Въ 1852 году въ Акъ-мечети было всего около 50 сипасвъ или коканскихъ воиновъ, вооруженныхъ фтильными винтовочными ружьями, саблями и пиками, и человекъ 100 коканскихъ и бухарскихъ купцовъ; въ Чимъ-куртанѣ 12 сипасевъ; въ Кумышъ-куртанѣ сидѣло 25 человекъ, большею частію киргизовъ, и въ Кошъ-куртанѣ 4 человекъ. Въ Джюлекѣ въ 1853 году было 40 человекъ гарнизону; а въ Джаны-куртанѣ, маленькомъ четырехъ-угольномъ околѣ, высотой въ пику, держится, по словамъ киргизовъ, 2 или 3 человекъ коканской стражи. Числа эти, конечно, измѣнялись по обстоятельствамъ, но естественно, не могли увеличиваться во всякое время иначе, какъ только наборомъ киргизовъ.

Вслѣдъ за коканцами, въ низовьяхъ р. Сыра явились хивинцы. Хива начала пріобрѣтать вліяніе на киргизовъ и туркменъ весьма недавно, именно въ ханствованіе Магомедъ Рахима, умершаго въ 1825 году. Усилія коканцевъ пріобрѣсти вліяніе на сыръ-дарьинскихъ киргизовъ возбудило зависть въ Хивѣ, которая требовала срытія вновь устроенныхъ крѣпостей на р. Сырѣ, но получила отказъ. Вслѣдствіе этого, около 1830 года, при сынѣ и наслѣдникѣ Магомедъ-Рахима, Алла-Кулѣ, ханствовавшемъ съ 1825 по 1842 годъ, было основано нѣсколько хивинскихъ укрѣпленій, на лѣвомъ берегу р. Кувана, съ тѣмъ, чтобы собирать зякетъ съ окрестныхъ киргизовъ и пошлины съ каравановъ, проходящихъ изъ Бухары на Оренбургскую линію и обратно.

Подобно коканцамъ, хивинцы ознаменовали свое вліяніе на сыръ-дарьинскихъ киргизовъ неистовыми грабежами и насиліями, которые повторялись особенно часто въ сороковыхъ годахъ изъ мести къ батырю Джанъ-ходжѣ за разореніе Бишъ-калы.

За начало распространенія Россіи въ степи слѣдуетъ принять 1833 годъ, когда, для огражденія нашихъ эмбенскихъ рыбопромышленниковъ отъ нападеній туркменскихъ морскихъ разбойниковъ, было основано, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, Ново-але-

ксандровское укрѣпленіе, перенесенное вполсѣдствіи на Мангышлакъ. Затѣмъ, въ 1839 году, передъ хивинскою экспедиціею хотя и были устроены въ степи два укрѣпленія: одно на Эмбѣ, а другое на Агъ-Булакѣ, но оба они имѣли только временное назначеніе, и по окончаніи экспедиціи тотчасъ же были очищены.

Прочное же утвержденіе въ степи и основаніе тамъ постоянныхъ укрѣпленій начато съ 1847 года, когда степь была взволнована мятежнымъ султаномъ Канписарою Касимовымъ. Съ этого времени были построены укрѣпленія: Оренбургское на Тургаѣ, Уральское на Иргизѣ, а въ 1848 Карабутацкій фортъ на притогѣ Иргиза, Карабутаѣ, для облегченія сообщенія степныхъ укрѣпленій съ линіею.

Выдвиженіе наше впередъ значительно успокоило степь, ближайшую къ линіи, но мало имѣло вліянія на киргизъ, кочевавшихъ за Эмбою, на Усть-уртѣ и Сыръ-Дарьѣ. Понятно, что для поддержанія нашего вліянія на среднеазиатскія ханства, для огражденія подвластныхъ намъ киргизъ, кочевавшихъ на Сыръ-Дарьѣ и для безопасности нашихъ каравановъ необходимо было утвердиться на Аральскомъ морѣ и на низовьяхъ Сыра, гдѣ хивинцы и коканцы, вопреки всякаго права, построили цѣлый рядъ укрѣпленій, съ цѣлію держать въ стархѣ киргизъ и отягощать ихъ всякаго рода поборами.

Мысль основать укрѣпленный пунктъ съ русскимъ поселеніемъ на Сыръ-Дарьѣ явилась еще въ 1840 году, но не была осуществлена до 1847 года.

Въ 1846 году разрѣшено было генералу отъ инфантеріи Обручеву, бывшему въ то время оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, занять пунктъ на берегу Аральскаго моря. Для этого посланъ былъ генеральнаго штаба капитанъ Шульдъ, которому предписано было выбрать при устьѣ Сыръ-Дарьи удобный для укрѣпленія пунктъ, собрать свѣдѣнія относительно судоходства и рыболовства по рѣкѣ, изслѣдовать фарватеръ рѣки отъ пункта, избраннаго для укрѣпленія, до устья, и наконецъ, собрать свѣдѣнія о выгодахъ или неудобствахъ для заселенія этого пространства.

На избранномъ пунктѣ было заложено, въ 1847 году, Раимское укрѣпленіе, переименованное вполсѣдствіи въ Аральское.

Хивинцы не могли равнодушно видѣть утвержденіе нашего владычества на Сыръ-Дарьѣ, и потому съ 1847 г. начинаютъ непріязненные противъ насъ дѣйствія. Въ августѣ, скопище изъ 2000 человѣкъ, переправясь черезъ Сыръ-Дарью, напало на нашихъ киргизъ и разграбило болѣе тысячи семействъ. Выступившія противъ хивинцевъ войска обратили хищниковъ въ бѣгство и навели страхъ даже на Хиву, гдѣ уже ожидали нашествія русскихъ, которые, однако, довольствовались освобожденіемъ плѣнныхъ. Во второй половинѣ

ноября, хивинцы появились въ пескахъ Кара-Кумъ и снова начали грабить киргизовъ. При этомъ они перерѣзали многихъ стариковъ, забрали женщинъ, младенцевъ разбросали по степи и ограбили два купеческихъ каравана. При движеніи нашихъ войскъ хищники опять бѣжали за Сыръ-Дарью. Въ 1848 году дерзость хивинцевъ дошла до того, что въ мартѣ мѣсяцѣ скопище ихъ, въ числѣ около 1500 человекъ, явилось на правомъ берегу Сыра и начало грабежъ. 300 всадниковъ изъ туркменскаго племени Юмудъ не побоялись набѣдничать подъ выстрѣлами укрѣпленія и явиться на сыръ-дарьинской пристани. Почти цѣлые сутки хищники грабили и рѣзали киргизовъ и наконецъ возвратились за Сыръ. Затѣмъ хивинцы дѣлали нападенія нѣсколько разъ въ теченіе 1848 года, но, постоянно принуждаемые при встрѣчѣ съ нашими отрядами бѣжать, они убѣдились въ своемъ безсиліи и ограничились только предъявленіемъ требованій, чтобы мы уничтожили Аральское и Новопетровское укрѣпленія.

Съ 1850 года начинаются непріязненные дѣйствія и со стороны кокандцевъ, которые, какъ уже сказано, построивъ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи укрѣпленія, притѣсняли и грабили подвластныхъ намъ киргизовъ. Главнымъ образомъ набѣги производилъ акъ-мечетскій бекъ, которому были подчинены все коканскія укрѣпленія, расположенныя на низовьяхъ Сыра. Набѣги сопровождались страшнымъ грабежомъ: такъ въ 1850 году одинъ разъ, верстахъ въ 50 отъ Аральскаго укрѣпленія, коканцы угнали у киргизовъ до 26 000 головъ скота; другой разъ до 30 000 головъ. Не смотря на то, что въ слѣдующемъ 1851 году за одинъ такой грабежъ 75 000 головъ скота, начальникъ Аральскаго укрѣпленія майоръ Энгманъ, преслѣдуя кокандцевъ, взялъ приступомъ укрѣпленіе ихъ Кошъ-бурганъ, грабежи продолжались. Необходимо было принять дѣятельныя и дѣйствительныя мѣры къ прекращенію набѣговъ, на что и рѣшился Перовскій въ 1852 году.

Но прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему изложенію разсказа, необходимо сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ нашихъ на Аральскомъ морѣ.

Судоходство наше по Аральскому морю начинается одновременно съ заложениемъ Раимскаго укрѣпленія. Въ началѣ 1847 года были построены въ Оренбургѣ два двухъ-мачтовыхъ судна: одно военное «Николай», а другое частное *Михаилъ*. Первое назначалось исключительно для изслѣдованія моря, второе для заведенія на Аральскомъ морѣ рыболовства, основанною въ томъ же году компаніею на акціяхъ. Оба судна были потомъ разобраны и весною перевезены на подводахъ на Раимъ, гдѣ снова были собраны и спущены на воду. Шкуна «Николай» тотчасъ же выступила въ море; но первое

плаваніе ея, по позднему времени, ограничилось только окрестностями устьевъ Сыра. Весною слѣдующаго года шкуна снова выступила въ море и обозрѣла сѣверный его берегъ. Между тѣмъ, въ Оренбургѣ было построено другое военное судно «Константинъ», нѣсколько больше перваго. На этомъ суднѣ лейтенантъ Бутаковъ началъ осенью 1848 года полную опись Аральскаго моря, продолжавшуюся два года. Во время двухъ-мѣсячнаго плаванія шкуны «Константинъ», въ 1848 году, были осмотрѣны всѣ берега Аральскаго моря, за исключеніемъ восточнаго; въ теченіе же кампаніи 1849 года, продолжавшейся 5½ мѣсяцевъ, были совершенно окончены: астрономическое опредѣленіе пунктовъ, съемка береговъ, промѣры и вообще вся опись, такъ что съ тѣхъ поръ Аральское море сдѣлалось совершенно извѣстнымъ.

Въ 1850 году генераль Обручевъ предположилъ устроить судоходство по Сыръ-Дарьѣ и съ этою цѣлю завести 40 сильный парохоть. Открытіе навигаціи по Сыръ-Дарьѣ должно было принести существенную пользу доставленіемъ возможности снабжать Раймское укрѣпленіе изъ коканскихъ владѣній всѣмъ необходимымъ для гарнизона. Оно замѣнило бы собою дорогую и затруднительную доставку въ укрѣпленіе чрезъ песчаную и безводную степь.

Проектъ этотъ былъ одобренъ, и Морскому министерству приказано было составить чертежъ парохода. Первоначальныя издержки по этому предмету отнесены были на сумму, ассигнованную въ 1838 году на снаряженіе ученой экспедиціи. Еще въ 1837 году журналомъ Азіатскаго комитета разрѣшено было снарядить ученую экспедицію къ сѣверовосточнымъ берегамъ Аральскаго моря и къ Сыръ-Дарьѣ. По возникшимъ въ 1838 году обстоятельствамъ въ средней Азіи, экспедиція была отложена. Между тѣмъ, предпринятъ былъ походъ въ Хиву, а впослѣдствіи, по мѣрѣ возведенія укрѣпленій Оренбургскаго, Уральскаго и Аральскаго, произведены были топографическія съемки береговъ Аральскаго моря, и совершенно обозрѣніе какъ этихъ водъ, такъ низовьевъ и устьевъ Сыръ-Дарьи, чѣмъ предположенная въ 1837 году ученая цѣль экспедиціи была вполнѣ достигнута.

Назначенный для Аральскаго моря пароходъ и къ нему 12 сильный барказъ съ винтомъ поручено было капитанъ-лейтенанту Бутакову заказать въ Швеціи на Мотальскомъ заводѣ, который согласился исполнить этотъ заказъ за 37 444 р.

Такъ какъ по изслѣдованіи береговъ Аральскаго моря каменнаго угля почти не оказалось, то Военное министерство предложило генералу Обручеву составить соображеніе:

1) Не будетъ ли полезно изслѣдовать каменно-угольные пласты на Мангышлакскомъ полуостровѣ.

2) Если бы уголь этотъ оказался удобнымъ для употребленія на пароходахъ, то въ какой степени предстоитъ возможность доставки этого угля чрезъ Усть-уртъ вольнымъ наймомъ киргизовъ и тухменовъ.

3) Такъ какъ осуществленіе этой мысли, вѣроятно, потребовало бы устройства складочнаго пункта на западномъ берегу Аральскаго моря и назначенія вооруженнаго конвоя для прикрытія транспортовъ съ углемъ, то какимъ образомъ вполнѣдствіи облегчить эти затрудненія; и наконецъ,

4) Если бы въ ближайшихъ окрестностяхъ Арала не оказалось вовсе каменнаго угля, то нужно было сообразить стоимость и возможность доставки въ устьѣ Сыръ-Дарьи донскаго антрацита.

Перовскій, назначенный въ 1851 году оренбургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, вполнѣ сознавая пользу пароходства, находилъ, что доставка донскаго антрацита обойдется слишкомъ дорого, и единственное топливо, на которое можно разсчитывать, было саксаулъ.

Способность его лучше всякаго другаго дерева замѣнять каменный уголь была доказана на опытѣ; а объ обширности порослей саксаула близъ береговъ Аральскаго моря и на островахъ его свидѣтельствовалъ капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ.

Въ іюнѣ 1851 года Перовскій уже предписалъ начальнику Аральскаго укрѣпленія сдѣлать нужныя распоряженія о доставленіи, въ продолженіе навигаціи того года, по возможности большаго количества саксаула въ Косъ-Аральскій фортъ.

Однако этотъ опытъ не удался. Уже въ октябрѣ того же года Перовскій писалъ, что пароходство по Аральскому морю и Сыръ-Дарьѣ не можетъ быть достаточно обезпечено употребленіемъ саксаула въ топливо. Не говоря уже о томъ, что количество его довольно ограничено, а добываніе затруднительно, самое обращеніе его въ дрова представляетъ два весьма важныя неудобства. Во первыхъ, это растеніе, по крайне твердому и смолистому свойству, едва доступно топору и пилѣ, и во вторыхъ, по своей кривизнѣ и сучковатости, оно въ кускахъ чрезвычайно неукладисто, такъ что плаваніе парохода весьма замедлялось бы буксированіемъ судна, нагруженнаго этимъ топливомъ въ количествѣ, несоразмѣрномъ объему и недостаточномъ для совершенія сколько нибудь продолжительнаго рейса. Почему, невзирая на дороговизну доставки антрацита, онъ представлялъ единственное, вполнѣ надежное средство къ осуществленію пароходнаго плаванія по Аральскому морю и рѣкамъ, въ него впадающимъ. Саксаулъ же и камышъ можно имѣть

въ виду и употреблять ихъ какъ вспомогательныя средства.

Поэтому на 1852 годъ на оренбургскую линію должно было доставить донской антрацитъ, пудъ котораго съ перевозкою на верблюдахъ до Аральскаго укрѣпленія долженъ былъ обойтись до 1 р. 20 к.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1852 года пароходы въ частяхъ были доставлены въ Петербургъ; отсюда водою они прибыли въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Самару и вмѣстѣ съ заготовленнымъ въ этомъ городѣ антрацитомъ, въ количествѣ 4 т. пудовъ, продолжали путь до Оренбурга, куда и прибыли 19 августа. 2 ноября всѣ транспорты съ частями пароходовъ прибыли въ Аральское укрѣпленіе, и тотчасъ же было приступлено къ предварительнымъ работамъ по сборкѣ пароходовъ. 26 февраля 1853 года съ аральской верфи былъ спущенъ на Сырь-Дарью пароходъ «Перовскій», а вслѣдъ затѣмъ, 4 апрѣля, и паровой барказъ «Обручевъ». Всего на заказъ пароходовъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, съ доставкою ихъ въ Аральское укрѣпленіе, было израсходовано 49 347 р. 9⁵/₄ к.

Къ 19 мая пароходы были окончательно вооружены. Пароходъ «Перовскій» вооруженъ былъ въ носовой части однимъ $\frac{1}{4}$ пудовымъ единорогомъ со станкомъ на вращающейся платформѣ, а въ кормѣ двумя горными единорогами на станкахъ въ родѣ каронадныхъ. На барказѣ же «Обручевъ» въ носу и въ кормѣ было приспособленіе для постановки, въ случаѣ надобности, по одному горному единорогу.

Въ этомъ году пароходъ «Перовскій» уже принялъ участіе въ акъ-мечетской экспедиціи.

II.

Рекогносцировка Сырь-Дарьи выше Аральскаго укрѣпленія. — Непріязнь коканцевъ. — Экспедиція коковника Бларамберга. — Разрушеніе коканскихъ укрѣпленій. — Экспедиція подъ Акъ-Мечеть. — Взятіе Акъ-Мечети и переименованіе ея въ фортъ «Перовскій». — Дѣйствія коканцевъ.

1852—1854.

Мы уже сказали, что въ 1852 г. Перовскій рѣшился принять самыя энергическія мѣры для обузданія дерзости коканцевъ. Поводъ къ тому былъ поданъ самими коканцами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 г., съемочный отрядъ, въ числѣ 80 человекъ, подъ начальствомъ корпуса топографовъ прапорщика Голова, былъ остановленъ, не доходя до крѣпости Акъ-Мечети. Начальникъ укрѣпленія рѣшительно воспротивился дальнѣйшему слѣ-

дованію. Такъ какъ въ это время уже рѣшенъ былъ вопросъ о соединеніи оренбургской линіи съ сибирскою, чего возможно было достигнуть со стороны оренбургской степи движеніемъ вверхъ по Сыру, то необходимо было продолжать рекогносцировку, хотя бы для того потребовалась даже вооруженная сила.

Вслѣдствіе этой необходимости, лѣтомъ составленъ былъ отрядъ изъ 1 штабъ-офицера, 11 оберъ-офицеровъ, 31 унтеръ-офицеровъ и урядника, 3 музыкантовъ, 387 строевыхъ и 36 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, при двухъ $\frac{1}{4}$ пуд. единорогахъ. Начальство надъ этимъ отрядомъ поручено было полковнику Вларамбергу, которому вмѣнено въ обязанность:

1) Произвести рекогносцировку по долинѣ Сыръ-Дарьи отъ Аральскаго укрѣпленія до коканской крѣпости Акъ-Мечети.

2) Въ случаѣ встрѣчи съ коканцами, или въ случаѣ предъявленія со стороны ихъ неумѣстныхъ требованій, дѣйствовать вооруженною рукою.

3) Не касаясь укрѣпленій, ближе лежащихъ къ Аральску, слѣдовать прямо къ Акъ-Мечети и затѣмъ дѣйствовать, судя по обстоятельствамъ. Если Акъ-Мечеть лежитъ въ нашихъ предѣлахъ, то стараться уничтожить ее; во всякомъ же случаѣ объявить коканцамъ, что она не можетъ оставаться на настоящемъ мѣстѣ.

Запасшись провіантомъ на 1 $\frac{1}{2}$ мѣсяца, полковникъ Вларамбергъ выступилъ 3 іюля изъ Аральскаго укрѣпленія, и 18 былъ уже въ одномъ переходѣ отъ Акъ-Мечети.

Коканцы, вѣроятно, предупрежденные о движеніи нашего отряда, прорвали заблаговременно плотину, удерживавшую теченіе воды изъ Сыръ-Дарьи въ озеро Берказанъ, слѣдствіемъ чего было наводненіе низменныхъ окрестностей Акъ-Мечети. Не взирая на это препятствіе, отрядъ, хотя съ трудомъ, но благополучно совершилъ переправу черезъ пять рукавовъ. Орудія, аммуниція и прочія тяжести перевезены были на плотахъ, связанныхъ изъ камыша; лошади же, верблюды и большая часть людей перебрались вплавь.

Вслѣдъ затѣмъ, явились въ отрядъ два посланца изъ Акъ-Мечети. Одинъ былъ сборщикъ податей съ киргизовъ; другой же бухарскій купецъ. Оба они пожелали узнать о причинѣ выступленія отряда въ коканскіе, какъ говорили они, предѣлы.

Находя, что коканскіе сборщики податей не имѣютъ права развѣзжать по сую сторону Сыръ-Дарьи и считая неприличною и самую посылку, полковникъ Вларамбергъ задержалъ сборщика податей съ его свитою, бухарца же отправилъ обратно, съ увѣдомленіемъ начальника Акъ-Мечети, что русскій отрядъ идетъ по принадлежащему

намъ берегу рѣки, на которомъ коканскія войска и укрѣпленія не должны оставаться.

Движеніе войскъ и по переходѣ черезъ пять рукавовъ было чрезвычайно утомительно, по причинѣ наводненія и густаго колючаго кустарника, между которымъ приходилось пробираться по узкимъ и глубокимъ тропинкамъ и по вспаханнымъ топкимъ полямъ. Прибывъ, 19 іюля, подъ крѣпость, полковникъ Бларамбергъ расположился лагеремъ подъ стѣнами восточнаго фаса крѣпости. Казаки, неимѣвшіе при отрядѣ челноковъ, тотчасъ же пустились по Сыру и захватили, близъ праваго берега, двѣ коканскія лодки; топографы же произвели рекогносцировку крѣпости.

Коканцы не показывались изъ за стѣнъ; вскорѣ, однако, снова прибылъ въ лагерь бухарецъ Казанъ-Бей, съ письмомъ отъ начальника Акъ-Мечети. Полковникъ Бларамбергъ не принялъ письма, но отъ Казанъ-Бея узналъ, что комендантъ просилъ о четырехдневной отсрочкѣ; киргизы же прибавляли, что онъ домогался этой отсрочки въ ожиданіи сильнаго подкрѣпленія.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было ожидать немедленной сдачи крѣпости; держаться подъ стѣнами ея въ затопленныхъ окрестностяхъ, при могущемъ послѣдовать возвышеніи воды, было невозможно. По неимѣнію же при отрядѣ достаточной длины лѣстницъ, нельзя было брать крѣпости штурмомъ.

Не желая, однако же, оставить коканцевъ безъ наказанія за ихъ грабежи, полковникъ Бларамбергъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, выжечь все между наружною стѣною и цитаделью. Въ ночь съ 19 на 20 было брошено въ крѣпость нѣсколько гранатъ изъ $\frac{1}{4}$ пуд. единорога. Коканцы немедленно начали отвѣчать изъ трехфунтовыхъ фалконетовъ, поставленныхъ на барбетъ цитадели, и выстрѣлами изъ крѣпостныхъ ружей. Съ разсвѣтомъ 20 числа были сбиты непріятельскіе фалконеты и разбиты, ядрами, деревянные ворота внѣшняго укрѣпленія. Видя этотъ успѣхъ, полковникъ Бларамбергъ составилъ двѣ колонны и двинулся на приступъ.

Одна изъ нихъ, съ помощію мотыгъ и топоровъ, перелѣзла черезъ ровъ и крѣпостную стѣну, а другая ворвалась внутрь крѣпости чрезъ разбитые ворота. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ 10 минутъ, наружное укрѣпленіе было въ рукахъ нашего отряда. Увлекаясь этимъ успѣхомъ, войска наши, съ крикомъ ура, бросились къ самымъ стѣнамъ цитадели. Но здѣсь слишкомъ четырехсаженная высота, представила непреодолимую преграду. Ядра ничего не могли сдѣлать противъ глиняной массы въ $1\frac{1}{2}$ саж. толщиною.

Необходимость довольствоваться, на этотъ разъ, взятіемъ наружнаго укрѣпленія, сдѣлалась очевидною. Нужно было ударить отбой.

По первому отбою, раненные, въ числѣ 57 человекъ, и убитые, въ числѣ 15,—были вынесены своими товарищами изъ подъ самыхъ стѣнъ крѣпости; затѣмъ, нѣсколько охотниковъ, оставшихся въ укрѣпленіи, зажгли дома и все въ нихъ находившееся. Пожаръ продолжался цѣлую ночь; спускавшіеся со стѣнъ цитадели, для спасенія своего имущества, коканцы, были убиваемы.

21 числа, отрядъ началъ обратное движеніе внизъ по рѣкѣ. Войско нерѣдко шло по поясу въ водѣ, а при переходѣ черезъ пять рукавовъ Бишъ-Арынъ, провело въ водѣ цѣлые сутки; жара была постоянно выше 30° въ тѣни. На возвратномъ пути, полковникъ Бларамбергъ уничтожилъ три непріятельскія крѣпостцы: Кумышъ-Курганъ, Чимъ-Курганъ и Кошъ-Курганъ.

Этотъ поискъ, совершенный небольшимъ отрядомъ за 500 верстъ отъ крайняго нашего укрѣпленія и за 1500 отъ заселенной русской границы, имѣлъ значеніе въ военномъ отношеніи. Въ шесть недѣль отрядъ прошелъ болѣе 1000 верстъ, преодолая необыкновенныя трудности мѣстности и перенося утомительный жаръ; безъ судовъ и понтоновъ, онъ благополучно совершилъ шесть переправъ чрезъ значительныя рѣки и протоки; уничтожилъ три непріятельскія крѣпостцы и разрушилъ внѣшнее укрѣпленіе акъ-мечетской цитадели.

Но, кромѣ того, этотъ поискъ далъ возможность вывести положительное заключеніе о мѣрахъ, необходимыхъ для окончательнаго уничтоженія коканскихъ укрѣпленій, по правому берегу Сыръ-Дарьи.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ оказалось, что отъ Акъ-Мечети, вверхъ по Сыру, много луговыхъ мѣстъ, а берега рѣки окаймлены густымъ лѣсомъ, совершенно годнымъ на постройки домовъ, а можетъ быть и судовъ.

Ясно, слѣдовательно, было, что, вообще, для прочности нашего водворенія на Сыръ-Дарьѣ, для избавленія нашихъ киргизовъ отъ грабежей и, съ каждымъ годомъ возрастающихъ, поборовъ со стороны коканцевъ, наконецъ, для соединенія оренбургской линіи съ сибирскою, необходимо было занять прочнымъ образомъ пространство между рѣкою и протокомъ Кара-Узякъ, чѣмъ обезопасилось бы плаваніе по Сыру. Занятіе же этого пространства прежде всего требовало уничтоженія, на правомъ берегу, коканскихъ укрѣпленій. Для безопаснаго же плаванія нашихъ пароходовъ, невозможно было допустить укрѣпленій и вблизи по лѣвому берегу.

Коканцы, въ то время, образовали, на пространствѣ между Кара-Узякомъ и Сыръ-Дарьей, особый округъ, охраняемый крѣпостцами, изъ которыхъ Акъ-Мечеть была центромъ управленія округа. Здѣсь, кромѣ туркменъ и ташкентцевъ, постоянно кочующихъ киргизовъ считалось до 5 т. кибитокъ. Кромѣ того, на зимовку приходило

изъ русскихъ предѣловъ до 3 т. кибитокъ. Всѣ они были подвержены самымъ тягостнымъ налогамъ и грабежамъ.

Въ слѣдующемъ, 1853 году, рѣшено было, во что бы то ни стало, утвердиться въ Акъ-Мечети. Поэтому, въ томъ же году, начались приготовленія, а раннею весною 1853, войска выступили уже съ линіи.

Экспедиціонный отрядъ, въ составѣ двухъ колоннъ, выступилъ изъ Оренбурга 25 апрѣля, а изъ Орской крѣпости — 4 мая. Составъ и численность каждой колонны были слѣдующіе:

Пѣхоты: Линейныхъ оренбургскихъ баталіоновъ №№ 1, 2, 3 и 10 штабъ и оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 288, лошадей 43. *Кавалеріи*: Уральскаго казачьяго войска, штабъ и оберъ-офицеръ 5, нижнихъ чиновъ 212, лошадей 238; Башкиро-мещерякскаго войска, оберъ-офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 321, лошадей 363. *Артиллеріи*: Конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска, оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 56, лошадей 89, орудій 6; артиллерійскій паркъ и при немъ ракетная команда, оберъ-офиц. 2, нижнихъ чиновъ 49, лошадей 110. *Инженерный паркъ* и саперная команда: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 93, лошадей 213. *При транспортѣ*: оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 59, лошадей 193. Всего штабъ и оберъ-офицеровъ 26, нижнихъ чиновъ 1082, лошадей 1259 и 6 орудій.

Колонна эта, выступившая изъ Оренбурга 25 апрѣля, была подъ начальствомъ подполковника Юннея. Въ транспортѣ ея находилось 917 верблюдовъ, 222 вола и 291 телѣга.

Составъ другой колонны, выступившей изъ Орской крѣпости 4 мая, подъ командою начальника всего отряда, генераль-маіора Падурова, былъ слѣдующій:

При начальникѣ экспедиціоннаго отряда, штабъ и оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 7, лошадей 8. *Пѣхоты*: 3 рота оренбургскаго линейнаго № 4 баталіона, штабъ и оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 179, лошадей 5; Оренбургскихъ линейныхъ №№ 5 и 6 баталіоновъ, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 168, лош. 2. *Кавалеріи*: Оренбургскаго казачьяго войска, оберъ-офиц. 6, нижнихъ чиновъ 218, лошадей 245; Башкиро-мещерякскаго войска, оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 212, лошадей 245. *Артиллеріи*: Конно-артиллерійской бригады оренбургскаго казачьяго войска, оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 38, лошадей 56, орудій 6. *При транспортѣ*: штабъ и оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 207, лошадей 632. Всего штабъ и оберъ-офицеровъ 30, нижн. чиновъ 1029 лошадей 1193, орудій 6.

Въ транспортѣ этой колонны было: 1121 верблюдъ, 6 воловъ и 203 телѣги.

Слѣдовательно, общая численность обоихъ отрядовъ простира-лась до 2168 человекъ, при 12 орудіяхъ и 2442 лошадей; весь же транспортъ состоялъ изъ 2038 верблюдовъ, 228 воловъ и 494 те-лѣгъ. Войска линійныхъ баталіоновъ назначались на укомплекто-ваніе 4-го линійнаго баталіона, двѣ роты котораго уже были въ Аральскѣ.

Для переправы черезъ протоки и глубокія канавы, при отрядѣ были: 1) паромъ на бударгахъ; 2) два парома на бочкахъ; 3) три флашкоута, составные изъ шести половинокъ, и 4) три парома изъ англійскихъ резиновыхъ мѣшковъ, надуваемыхъ воздухомъ. Этими средствами можно было поднять по 800 пуд. Кромѣ того, при экспе-диціонномъ отрядѣ везлись матеріалы для настилки мостовъ черезъ канавы.

Обѣ колонны, соединившись въ Карабутахскомъ фортѣ, двинулись къ Аральску эшелонами. Для того же, чтобы хивинцы не предпри-нимали хищническихъ набѣговъ и не грабили нашихъ транспортовъ, Перовскій имѣлъ въ виду занять, въ этомъ случаѣ, предварительно хивинское укрѣпленіе Ходжаніасъ; но не получивъ разрѣшенія на переходъ на лѣвый берегъ Сыра, ограничился тѣмъ, что приказалъ султанамъ-правителямъ средней и западной частей, съ состоящими при нихъ двухсотенными отрядами, отдалиться отъ линіи въ степь и, начиная отъ Уральскаго укрѣпленія, охранять своими разѣздами все пространство между путемъ слѣдованія транспортовъ и Усть-уртомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для сохраненія подножныхъ кормовъ строевымъ и обознымъ лошадямъ, онъ строго воспретилъ киргизамъ въ теченіе лѣта кочевать вблизи дороги, ведущей отъ линіи до Аральска.

Приказаніе это, по собственнымъ словамъ Перовскаго, было испол-нено съ такимъ усердіемъ, что экспедиціонный отрядъ шелъ какъ бы по совершенной пустынѣ. Не было видно, даже въ самой глубокой долинѣ, ни одной киргизской кибитки, ни одного табуна, ни одного стада. Только стада сойгаковъ и оживляли глубокую степь, которая съ самаго Илека не представляетъ ничего, кромѣ солончаковъ, песку и глины, поросшихъ полынью. Въ началѣ погода стояла довольно свѣжая; затѣмъ наступили жары, дошедшія въ концѣ мая мѣсяца свыше 40° до R. Такъ, 29 числа на солнцѣ въ полдень жара дохо-дила до 42°.

Изъ экспедиціоннаго отряда, дошедшаго до Уральска, оказалось 109 человекъ слабыхъ, расположенныхъ къ скорбугу. Отъ Ураль-

скаго укрѣпленія до Сыръ-Дарьи предстоялъ самый трудный путь, пролежавшій песками Кара-кумъ, гдѣ жары бываютъ сильно ощутительны, кормы для лошадей самые бѣдныя, а вода получается только изъ копаней, но весьма часто дурнаго качества и въ недостаточномъ количествѣ. Однако, отрядъ благополучно прибылъ въ началѣ іюня въ Аральское укрѣпленіе, гдѣ долженъ былъ остановиться для окончательнаго сформированія частей, для собранія запаса провіанта и другихъ предметовъ, и наконецъ, для принятія всѣхъ мѣръ къ обезпеченію дальнѣйшаго безостановочнаго слѣдованія.

Здѣсь войскамъ было много работы. Артиллерійскій и инженерный парки были приведены въ готовность къ дѣйствию, три роты 4-го линійнаго баталіона были переформированы и окончательно вступили въ составъ экспедиціоннаго отряда. Нѣкоторые предметы, слѣдовавшіе до Аральска на телѣгахъ, были перевьючены на верблюдовъ; весь обозъ исправленъ и испытаны были на водѣ усовершенствованные паромы, лодки и другія переправочныя средства.

Всѣ работы и перевозки вьюка съ мѣста на мѣсто исполнялись большею частію людьми, такъ какъ лошади находились на пастбищѣ за 60 и болѣе верстъ отъ лагеря; работа производилась въ жаръ, который доходилъ до 49° на солнцѣ. Выбирать для работы время въ часы дня менѣе жаркіе не было возможности, потому что часъ спустя по восхожденіи солнца, термометръ показывалъ уже отъ 30—32°; даже ночью онъ не опускался ниже 23°. Словомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ жары достигли той степени, что и самыя дневки не способствовали отдыху людей и лошадей. При такой температурѣ движеніе едва ли утомительнѣе пребыванія на мѣстахъ, безъ другой защиты отъ палящихъ лучей солнца, кромѣ войлока, натянутаго на пикі или на штыки ружей, составленныхъ въ козла.

Покончивъ всѣ приготовленія и переформированія, экспедиціонный отрядъ выступилъ изъ Аральска послѣдовательно эшелонами, въ слѣдующемъ окончательномъ составѣ:

1 эшел. 2 эшел. 3 эшел. Ваген- при корпус.
бургъ. командирѣ.

Оренбургскаго линійнаго

№ 4 баталіона	250 ч.	250	250	>	>
Уральскаго казачьяго войска.	150	50	50	>	150
Оренбургскаго — — — — —	>	50	50	50	>
Башкирскаго войска.	50	50	50	150	>
Верблюдовъ	90	120	90	1100	40

Повозокъ.	97	69	80	750	27
Орудій	два 6 ф. п. одинъ 3 ф. ед.	два $\frac{1}{2}$ п. ед. два $\frac{1}{4}$ п. ед.	одинъ 12 ф. п. два $\frac{1}{4}$ п. ед.	два 3 ф. ед.	одинъ $\frac{1}{4}$ п. ед.
		два кегорн. морт.	три кегор. морт.		

Число верблюдовъ и повозокъ въ каждой колоннѣ было ограничено по возможности; съ собою было взято только то, что могло понадобиться на первыхъ порахъ для овладѣнія крѣпостью, и провіантъ на одинъ мѣсяцъ. Все же прочее и продовольствіе для отряда на другой мѣсяцъ было въ вагенбургѣ.

Участіе въ экспедиціи принялъ и пароходъ «Перовскій», изъ Аральской флотиліи; на этомъ пароходѣ была посажена въ Аральскѣ рота; по высадкѣ этой роты и по доставкѣ въ Кошъ-нурганъ нѣкоторыхъ тяжестей изъ Аральска, пароходъ долженъ былъ подняться вверхъ до Акъ-Мечети.

23-го іюня отрядъ прибылъ на правый берегъ протока Кара-Узякъ. Первый переходъ отъ Казалы до урочища Басъ-Кара, на протяженіи слишкомъ 26 верстъ, отрядъ шелъ превосходными луговыми мѣстами, поросшими густымъ ржанникомъ и другими кормовыми травами и кустарниками, или густымъ высокимъ камышемъ; часто попадались и пашни. Но только на этомъ переходѣ и отдохало зрѣніе, утомленное видомъ желтыхъ песковъ и ослѣпительной бѣлизны солончаковъ; остальные же 150 верстъ до Кара-Узяка путь, не смотря на то, что проходили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ огромной рѣки, или даже по самому берегу ея, пролегалъ песчано-глинисто-солонцеватою равниною, безплодіе которой превосходитъ самые Кара-күмскіе пески. Хорошіе, но весьма небольшіе дуга, встрѣчались лишь изрѣдка, верстахъ въ 20 или 25 одинъ отъ другихъ. Такія мѣста служили ночлегами и привалами для отряда; безъ этихъ оазисовъ, которыми отрядъ обязанъ былъ обильнымъ весеннимъ дождямъ, не было бы никакой возможности двигаться по берегамъ рѣки даже самому незначительному отряду. Въ этомъ краѣ даже самые киргизы съ ихъ верблюдами могутъ существовать только зимою въ камышахъ. Единственные встрѣчаемые здѣсь слѣды человѣка суть отдѣльныя могилы и цѣлыя кладбища старыхъ и новыхъ временъ, которыми степь усѣяна въ изобиліи. За отсутствіемъ другихъ предметовъ, кладбища эти служатъ къ обозначенію, по имени ихъ, окрестныхъ урочищъ.

Не смотря на безплодіе окрестностей Сыра, слѣдованіе экспедиціоннаго отряда до Кара-Узяка было совершено благополучно. Жары, умѣряемые постоянными въ теченіе дня вѣтрами, переносились людьми и животными безъ всякаго истомленія, тѣмъ болѣе, что въ

теченіе послѣдней недѣли похода выпадалъ дождь и атмосфера разаз три освѣжалась грозами. Всѣхъ больныхъ въ трехъ эшелонахъ было 7 человекъ; въ верблюдахъ же и лошадяхъ никакой потери не было.

Выступивъ 26 іюня съ Кара-Узяка, отрядъ увидѣлъ надъ головами своими густыя тучи саранчи, которая летѣла въ теченіе цѣлаго дня. Мѣстами отряду приходилось идти по толстому слою этого животнаго. Трава и камышъ были истреблены до тла на протяжении всего перехода; на ночлегъ отрядъ не нашелъ никакого корма для лошадей, которыхъ, по необходимости, нужно было содержать въ этотъ день на сухомъ фуражѣ. Къ счастью, отрядъ довольно скоро вышелъ изъ опустошенной саранчею полосы, и на другой уже день найденъ былъ и подножный кормъ.

Довольно удачно миновало отрядъ и другое обстоятельство, которое бываетъ гибельно въ степи. Двѣ ночи сряду видѣлось огромное зарево, а днемъ черный столбъ дыма, которые предвѣщали, что впереди на пути своемъ войска встрѣтятъ зажженный кустарникъ и камышъ. Дѣйствительно, на переходѣ отъ урочища Бергунды къ могилѣ Тюря-Тамъ, нѣсколько разъ попадались поляны выжженного камыша съ запахомъ свѣжей гарн. Если бы пущенный здѣсь палъ взялъ сплу, отрядъ встрѣтилъ бы непреодолимые препятствія къ дальнѣйшему слѣдованію и подвергся бы большой опасности. Но къ счастью, въ теченіе двухъ дней нѣсколько разъ была гроза, съ сильнымъ дождемъ, который залплъ пламя; оставшееся же незалитымъ пламя угнано было вѣтромъ въ разливы и болота Кара-Узяка.

Затѣмъ постоянными спутниками отряда оставались слѣпни да комары, да на послѣднихъ переходахъ вода дурнаго качества, такъ что нѣсколько разъ приходилось рыть колодцы. Наконецъ, на трехъ послѣднихъ до Акъ-Мечети переходахъ пришлось перенести отряду хотя и предвидѣнныя, но тѣмъ не менѣе большія трудности. Узкая тропа дороги пролегаетъ здѣсь равниною, густо заросшею разнымъ колючимъ кустарникомъ и пересѣченною во всѣхъ направленіяхъ большими и малыми, сухими и водяными канавами, изъ которыхъ нѣкоторыя послѣднія имѣютъ довольно сильное теченіе. Съ одной стороны надо было вырубать и вырывать колючки, а съ другой—безпрестанно останавливаться, чтобы засыпать канавы и сравнивать насыпи. Отрядъ шелъ по двѣ версты и даже менѣе въ часъ.

Въ два часа по полудни 2-го іюля прибылъ, наконецъ, Перовскій съ легкимъ отрядомъ подъ Акъ-Мечеть и расположился лагеремъ на берегу Сыра, въ 600 саженьяхъ отъ стѣнъ укрѣпленія.

Коканцы, между тѣмъ, не потеряли даромъ время съ прошлогодней попытки нашей овладѣть Акъ-Мечетью. Въ ожиданіи новаго похода русскихъ, они сдѣлали въ укрѣпленіи большія улучшенія. Наружный валъ, который могъ бы облегчить веденіе апрошей къ цитадели и прикрыть расположеніе нашихъ батарей, былъ срытъ; строенія же, находившіяся внутри, были уничтожены. Два рва, окружавшіе цитадель, были соединены въ одинъ, шириною въ $1\frac{1}{2}$ или двѣ сажени, а глубиною до 10 футовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они измѣнили и очертаніе самой цитадели: входящіе углы были уничтожены; толщина стѣнъ увеличена, и вся постройка приняла правильный видъ. Цитадель состояла изъ четырехугольнаго зданія съ 8 башнями, расположенными по угламъ и по срединѣ фасовъ. Стѣны ея имѣли до 4 сажень высоты. Гребень стѣны былъ прикрытъ на фасахъ зубцами толщиною до $1\frac{1}{2}$ аршина, а на башняхъ брустверомъ. Амбразуры на этомъ брустверѣ, сложенномъ, какъ и всѣ стѣны, изъ смазанныхъ кусковъ глины, весьма удобно закрывались.

Такъ же удобно и скоро можно было по матеріалу, изъ котораго возведена цитадель, исправлять въ ней всѣ поврежденія. Единственные ворота цитадели, процѣланные въ южномъ фасѣ, подъ сводомъ, были прикрыты снаружн стѣнкою.

Внутри цитадели расположены были, по словамъ киргизовъ, мазанн, образовавшія нѣсколько проулковъ; отъ навѣснаго огня гарнизонъ имѣлъ, по видимому, закрытіе въ самой толщѣ стѣны. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ то время, весь гарнизонъ состоялъ изъ 300 человекъ, при которыхъ было до 100 лошадей; провіанта же и фуража было заготовлено осажденнымъ примѣрно на мѣсяцъ. Орудій на цитадели было три, изъ которыхъ одно имѣло калибръ нашего 3 фунтоваго единорога; другія же два стрѣляли ядрами въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ. Снарядовъ и пороху, какъ извѣстно стало изъ разспросовъ, доставлено было сюда изъ Ташкента на 60 верблюдахъ. Кромѣ орудій у гарнизона было до 20 крѣпостныхъ ружей. Для обороны противъ штурма гарнизонъ приготовилъ на стѣнахъ гуски глины и толстыя древесяны, чтобы сбрасывать ихъ на нападающихъ.

Получивъ эти свѣдѣнія и сдѣлавъ личное обозрѣніе, Перовскій пришелъ къ убѣжденію, что число и калибръ орудій экспедиціоннаго отряда, а также и количество взятыхъ имъ снарядовъ не позволятъ сдѣлать брешь въ глиняной стѣнѣ толщиною до 4 сажень; идти же на штурмъ безъ брешн на стѣну 6 саженной высоты, съ одними фашинами и лѣстницами, значило подвергать отрядъ слишкомъ большой потерѣ людей. Поэтому Перовскій рѣшился не спѣшить приближеніемъ къ стѣнамъ крѣпости и, если навѣсный огонь

не заставить гарнизонъ сдаться, то идти на приступъ не прежде взрыва башни миною.

Немедленно по прибытіи своемъ къ крѣпости, Перовскій послалъ къ коменданту предложеніе о сдачѣ. Но коканцы, подпустивъ парламентеровъ на весьма близкое разстояніе отъ крѣпости, отерыли по нимъ вдругъ ружейный, а потомъ и пушечный огонь. Съ тѣхъ поръ началась ежедневная стрѣльба изъ крѣпости.

Начать осадныя дѣйствія можно было только съ прибытіемъ къ крѣпости всего отряда. Между тѣмъ, чтобы не терять время, приступлено было тотчасъ же къ предварительнымъ работамъ и распоряженіямъ. Произведена была рекогносцировка окрестностей Акъ-Мечети, сдѣлана съемка всего акъ-мечетскаго острова; для наблюденія за крѣпостью партіею казаковъ занять былъ противоположный отъ крѣпости берегъ рѣки, опредѣлена ширина рѣки, оказавшаяся противу крѣпости отъ 308 — 318 сажень; устроена переправа на лѣвый берегъ; наконецъ, на большой, вытекающей изъ Сыра, канавѣ сдѣлана плотина, необходимая для провоза орудій на предположенныхъ батареяхъ, и начато заготовленіе фашиновъ и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 4-го іюля прибылъ на пароходѣ «Перовскій» капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, и остановился въ двухъ верстахъ ниже крѣпости. Это показало, что Сыръ-Дарья до Акъ-Мечети судоходна.

5-го іюля, въ 250 саженьяхъ отъ крѣпости построена была первая батарея, а 6-го, въ день сосредоточенія подъ крѣпостью всего отряда, устроена другая на лѣвомъ берегу противъ крѣпости. Къ 8-му числу огонь по крѣпости производился уже изъ всѣхъ нашихъ 5 батарей, бывшихъ въ числѣ 1 ракетнаго станка, двухъ 6 фунтовыхъ пушекъ, одной 12 фунтовой, четырехъ $\frac{1}{4}$ пудовыхъ единороговъ, двухъ $\frac{1}{2}$ пудовыхъ и 5 мортиръ (*). Къ 9 числу часть батарей была выдвинута уже на 150 сажень къ крѣпости. Съ 10-го числа начались апрошныя работы. 13-го числа, одинъ, захваченный въ Кошъ-курганѣ, киргизъ, коканскій лазутчикъ, былъ посланъ въ крѣпость съ предложеніемъ сдачи. Съ нимъ была послана слѣдующая бумага.

Отъ оренбургскаго генералъ-губернатора.

Начальнику Акъ-Мечетской крѣпости.

«По приказанію Государя моего, Императора Всероссійскаго, пришелъ я взять Акъ-Мечеть, построенную коканцами на русской землѣ для притѣсненія киргизъ, нашихъ подданныхъ.

(*) Кромѣ того, въ лагерѣ находилось три 3-хъ фунтовыхъ единорога.

«Акь-Мечеть уже взята, хотя вы и сидите въ ней. Вы видите, что я, не теряя моихъ людей, могу истребить васъ всѣхъ до еди-наго.

«Русскіе пришли сюда не на день и не на годъ, а на вѣчныя времена; назадъ они не пойдутъ.

«Хотите остаться живы—просите пощады; хотите умереть въ Акь-Мечети, и это въ вашей волѣ; мнѣ не къ спѣху; я васъ не тороплю, но повторяю: пришелъ сюда не сражаться съ вами, а бить, куда не отворите ворота.

«Все это сказалъ бы я вамъ въ первый день моего прибытія, когда я подъѣзжалъ безъ оружія къ стѣнамъ крѣпости, еслибы вы не стали стрѣлять въ меня предательскимъ образомъ, а это не водится между честными воинами.»

Отвѣтъ должно было доставить къ вечеру.

Посланнаго впустили въ крѣпость, и до вечера огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ. Вечеромъ посланный возвратился съ письмомъ отъ коменданта. Отвѣтъ заключался въ томъ, что теперешнее коканское правительство не обязано отвѣчать за несправедливости, сдѣланныя въ управленіе страною кипчаками; что русскій отрядъ подошелъ къ крѣпости безъ объявленія войны, что это самое и заставило коканцевъ стрѣлять въ парламентаровъ; что наконецъ начальникъ готовъ очистить крѣпость, но съ тѣмъ, чтобы русскіе дали ему на это 15 дней сроку, и на все это время отошли отъ крѣпости. Иначе же гарнизонъ будетъ сопротивляться, пока «ружья у него останутся на ложахъ, эфесы сабель и древки копій не переломятся и не истощится въ крѣпости кисякъ» (*).

Вслѣдствіе этого на другой день возобновилась пальба съ обѣихъ сторонъ, и съ нашей стороны продолжались работы. Во все время, съ самаго начала, осажденные весьма дѣятельно противудѣйствовали нашимъ работамъ и исправляли у себя поврежденія.

14-го іюля апроши были доведены на двѣ сажени отъ рва.

Медленность осадныхъ работъ сильно не нравилась солдатамъ и казакамъ. Они пришли подъ Акь-Мечеть въ полной увѣренности, что крѣпость будетъ взята въ первый же или на второй день по прибытіи подъ ея стѣны. Не смотря на то, что войска наши подошли на самое близкое разстояніе къ крѣпости, не потерявъ притомъ почти ничего; не смотря на то, что теперь уже каждый самъ могъ лично видѣть крѣпость и судить о вышинѣ и крутизнѣ стѣнъ, солдаты и казаки, не принимая во вниманіе ни ширины, ни глубины рва, предпочли бы работамъ неотлагательный штурмъ.

Киргизы, трепетавшіе коканцевъ и раззоренные ихъ грабежами,

(*) Твердые куски глины, бросаемые изъ крѣпости на осаждающихъ.

сначала сильно боялись, чтобы русскіе не ушли отъ Акъ-Мечети. Опасеніе ихъ въ этомъ отношеніи было такъ сильно, что, боясь мщенія коканцевъ, они въ первое время упорно отказывались продавать войскамъ скотъ на мясныя порціи. Но видя съ нашей стороны сѣнокошеніе, заготовленіе топлива и другія хозяйственныя мѣры, ясно доказывавшія намѣренія наши остаться здѣсь по крайней мѣрѣ на зиму, успокоились и полтораста человѣкъ изъ нихъ принялись за работу для постройки барака подъ госпиталь и магазинъ.

Между тѣмъ, осадныя работы продолжали подвигаться. На рытье траншей безъ различія употреблялись, какъ пѣхота, такъ и казаки съ башкирами. Последніе, если бы умѣли сохранять тишину, необходимую во время ночныхъ работъ, то превзошли бы пѣхоту и казаковъ. При этомъ они отличались какою то ребяческою наивностью. Когда, напримѣръ, при перевозкѣ туровъ имъ совѣтовали укрываться за возами и идти возлѣ возовъ нѣшкомъ съ прикрытой отъ выстрѣловъ стороны, то они по простодушному ли невѣдѣнію опасности, или ободренные неискусною стрѣльбою коканцевъ, спокойно отвѣчали: «Развѣ мы пуль не видали; мы ихъ не боимся.» И продолжали перевозку, не обращая вниманія на выстрѣлы. По складкѣ туровъ, они садились въ телѣги и спокойно отъѣзжали на свое мѣсто. Почти всѣ раненые башкирцы были сами тому виною: или имъ надоѣдало ходить по траншеѣ и они выбирались на открытое мѣсто, или, для утоленія жажды, отправлялись втихомолку на лежащіе передъ крѣпостью огороды за дынями и арбузами.

Солдаты отличались также не меньшимъ пренебреженіемъ къ жизни. Когда было окончено вѣнчаніе гласиса, то подъ закрытіемъ крутаго эскарпа, на уступѣ его, солдаты могли находиться совершенно безопасно. Одинъ изъ рядовыхъ, Григорьевъ, работавшій постоянно, по своей охотѣ, при саперахъ, высмотрѣлъ, что на половинѣ обвала башни лежатъ набитые землею мѣшки, свалившіеся, вѣроятно, отъ нашихъ выстрѣловъ, изъ ложемента, устроеннаго коканцами на верху башни. Однажды Григорьевъ этотъ совершенно неожиданно вышелъ посреди бѣлаго дня на брешу, взобрался на обвалъ, взялъ мѣшки, выбросилъ изъ нихъ землю и спокойно возвратился на свое мѣсто подъ нѣсколькими неудачными выстрѣлами неприятеля. При выговорѣ, который былъ сдѣланъ Григорьеву за самовольное дѣйствіе, онъ просилъ извиненія, отговариваясь тѣмъ, что у него изорвалось исподнее платье, и что мѣшки нужны были ему на постройку новаго.

Между тѣмъ, окрестные киргизы, видя, что прошло уже почти три недѣли со времени прибытія русскихъ войскъ подъ Акъ-Мечеть,

а крѣпость все еще не взята, начали изъяслять опасеніе, что она и никогда не перейдетъ въ наши руки. Съ другой стороны, между тѣмъ же киргизами началъ распространяться слухъ, что на подрѣпленіе Акъ-Мечети идетъ, и даже близокъ уже сильный отрядъ изъ Ташкента. Надежду на скорую помощь оттуда имѣлъ, повидимому, и гарнизонъ крѣпости. Поэтому Перовскій рѣшился произвести поискъ по направленію къ Ташкенту, хотя до ближайшаго отъ Акъ-Мечети укрѣпленія Джулекъ. Исполненіе этого порученія возложено было на генералъ-маіора Падурова, который, взявъ двѣ сотни уральскихъ и оренбургскихъ казаковъ, 50 башкирцевъ и трехъ-фунтовый единорогъ, выступилъ утромъ 21-го іюля, а вечеромъ 23-го, пройдя около 150 верстъ былъ уже около самаго Джулека. Недоходя нѣсколько верстъ до укрѣпленія, онъ узналъ отъ киргизовъ, что находившіеся въ немъ коканцы, числомъ до 60 человѣкъ, осведомясь о движеніи русскаго отряда, поспѣшно оставили крѣпость и бѣжали по направленію къ Туркестану, не успѣвъ забрать даже оружія. Генералъ Падуровъ тотчасъ же занялъ укрѣпленіе и пробылъ тамъ до 24 числа. Въ это время онъ взорвалъ стѣны укрѣпленія и сжегъ внутреннія жилища, а 27 числа вернулся въ лагерь, доставивъ туда захваченные имъ бунчукъ, фалконетъ, 20 крѣпостныхъ ружей, порохъ и свинець. Эти трофеи, привезенные въ акъ-мечетскій отрядъ прекратили слухи объ идущемъ изъ Ташкента войскѣ на выручку крѣпости.

Осадныя работы приходили въ это время къ концу; крѣпостной ровъ уже пройденъ былъ крытою сапою; минная галлерея проведена; оставалось только зарядить два горна, что и было исполнено въ ночь 27 числа. Тогда же каждой части войска были подробно объяснены предстоявшія ей обязанности.

Сущность распоряженій къ штурму состояла въ слѣдующемъ:

27 числа, въ 10 часовъ вечера, съ двухъ пунктовъ должны были быть пущены конгревовы ракеты въ крѣпостной валъ. Въ 11 часовъ должно было послѣдовать по выстрѣлу съ одной батареи, а въ часъ ночи 28 числа по выстрѣлу же съ другой батареи. Въ 12 часовъ и въ 2 часа должно было ударить фальшивыя тревоги въ траншеяхъ съ тѣмъ, чтобы увѣрить гарнизонъ, что пѣхота, окружающая крѣпость, находится на своихъ мѣстахъ.

Выстрѣлы изъ орудій, ракеты и двѣ тревоги должны были утомить коканцевъ и убѣдить ихъ въ томъ, что въ эту ночь не будетъ штурма. Поэтому можно было ожидать, что къ разсвѣту въ крѣпости все будетъ спать.

Между тѣмъ въ 12 часовъ, послѣ первой тревоги должно было

начаться отступленіе частей войскъ, занимавшихъ траншеи. Постепенное отступленіе должно было продолжаться и по второй тревогѣ.

Передъ разсвѣтомъ, въ три часа по полуночи, должны были быть пущены три ракеты; по послѣдней изъ нихъ отступили войска, оставленные до тѣхъ поръ при крѣпостномъ рвѣ; въ это время одна рота должна была размѣститься въ закрытыхъ траншеяхъ; всѣ остальные за тѣмъ были уже въ 300 саженьяхъ отъ взрыва. За этимъ въ 3¹/₂ часа новыя три ракеты одна за другою; чрезъ пять минутъ послѣ послѣдней долженъ былъ послѣдовать взрывъ; а послѣ взрыва штурмъ.

Всѣ сдѣланныя распоряженія были исполнены въ точности и своевременно. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ третьей ракеты, пущенной въ 3¹/₂ часа, земля вздрогнула, и при блѣдномъ еще свѣтѣ зари поднялись надъ миною и рухнули обратно внизъ двѣ тяжелыя глыбы земли. Густое облако пыли заволокло всю крѣпость, и страшный вопль раздался за стѣнами ея. Дѣйствіе мины было совершенно удачно: взлетѣвшая на воздухъ часть сѣверной стѣны открыла проломъ шириною болѣе 10 сажень, причемъ по особенному счастью уцѣлѣла и устроенная нами передъ минною галлереею плотина для крытой сапы черезъ ровъ.

Произведенную такимъ образомъ брешь, еще прежде, чѣмъ она успѣла обозначиться опредѣлительно въ облакѣ пыли, начали тотчасъ же очищать картечью съ расположенныхъ противъ нея батарей.

Въ такомъ отчаянномъ для гарнизона положеніи, опъ явилъ присутствіе духа и необыкновенную неустрашимость: не прошло и пяти минутъ послѣ взрыва, не смолкъ еще вопль женщинъ и дѣтей, какъ коканцы были уже на проломѣ, и осыпаемые нашею картечью, открыли сильный ружейный огонь по батареямъ и двинувшимся въ траншеяхъ штурмовымъ колоннамъ нашимъ.

По диспозиціи, первую къ брешу пришла 1-я рота 4 линѣйнаго батальона, имѣя въ головѣ штуцерную команду, подъ начальствомъ лейтенанта Эрдели. Два раза войска эти ходили на брешь, но оба раза были отброшены коканцами ко рву. Наконецъ, послѣ третьяго натиска непріятель не выдержалъ. Вмѣстѣ съ присоединившеюся другою ротою, войска эти, опрокинувъ непріятеля, заняли все протяженіе стѣны и башень крѣпости, а вслѣдъ за тѣмъ открыли огонь по внутренности ея. Весь штурмъ продолжался двадцать минутъ: въ 4¹/₂ часа крѣпость уже была въ нашихъ рукахъ.

Оборона со стороны коканцевъ на брешу, по стѣнамъ и въ строеніяхъ внутри крѣпости, была самая отчаянная. Не смотря на то, что комендантъ Мухамедъ-Вали, преимущественно поддерживавшій

духъ гарнизона, былъ убитъ при самомъ началѣ штурма, всѣ храбрѣйшіе сподвижники его, между ними и сотникъ Лефесъ, начальствовавшій въ крѣпости при прошлгоднемъ штурмѣ ея нашими войсками, легли, какъ общались, всѣ до единого, защищаясь до послѣдней крайности. Изъ крѣпости и рововъ ея въ первое время было собрано болѣе 230 труповъ.

Потеря наша во время штурма состояла изъ 13 человекъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, 12 человекъ умершихъ отъ ранъ, 17 человекъ тяжело и 23 легко раненыхъ. Изъ числа офицеровъ 2 штабъ-офицера и 6 оберъ-офицеровъ были ранены.

Трофеи состояли изъ 2 бунчуковъ, 8 значковъ, 2 мѣдныхъ орудій, нѣсколькихъ фалконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, большею частью изломанныхъ, потому что коканцы, по мѣрѣ того, какъ были сбиты со стѣнъ, ломали ружья и защищались уже саблями и винжалами; 150 пашекъ и 2 кольчуги. Кромѣ того, взято до 1000 ядеръ, нѣсколько пудовъ пороха и свинца и 120 лошадей.

Овлажденіе Акъ-Мечетью должно было произвести сильное впечатленіе на коканцевъ. Акъ-Мечеть весьма важный для нихъ пунктъ въ военномъ, торговомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Эта крѣпость считалась твердѣйшимъ оплотомъ коканскаго владычества въ низовьяхъ Сыра; какъ крѣпость, счастливо выдержавшая нѣсколько осадъ, она пользовалась въ краю славою непобѣдимости. Этимъ объясняется, между прочимъ, и послѣдняя отчаянная ея защита. Погореніе ея русскими было сильнымъ ударомъ для коканцевъ, и надо было ожидать, что, когда дѣла ихъ придутъ въ порядокъ, они сдѣлаютъ, можетъ быть, не одну попытку, чтобы снова овладѣть крѣпостью.

На первое время Перовскій предполагалъ оставить Акъ-Мечетскую крѣпость, переименованную въ фортъ «Перовскій», въ томъ видѣ, въ какомъ она была, исправивъ только поврежденія, сдѣланныя взрывомъ и ядрами въ стѣнахъ и башняхъ, застроивъ иначе ея внутренность и усиливъ фланговую оборону.

Во время движенія экспедиціоннаго отряда къ Акъ-Мечети были заложены на Сыръ-Дарьѣ, согласно проекту Перовскаго, при истокѣ Казалы и при урочищѣ Кармагчи, укрѣпленія. По взятіи же Акъ-Мечети, на правомъ берегу Куванъ-Дарьи, была занята коканская крѣпостца Кумышъ-гурганъ. Во время осады Акъ-Мечети крѣпостца эта была оставлена коканцами, которые во время бѣгства своего были побиты киргизами, доставившими Перовскому найденные ими въ Кумышъ-гурганѣ фалконетъ и нѣсколько крѣпостныхъ ружей.

Укрѣпленіе, заложенное близъ истока Казалы, велѣно было наиме-

новать фортомъ № 1 (*), заложенное при урочищѣ Кармакчи—фортомъ № 2; наконецъ, укрѣпленіе Кумышъ-бурганъ—фортомъ № 3 (**).

Между тѣмъ коканцы не могли равнодушно видѣть утверждение русскихъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи и рѣшились, во что бы то ни стало, снова овладѣть Акъ-Мечетью.

21 августа лазутчики доставили въ фортъ Перовскій положительныя извѣстія о томъ, что значительный отрядъ коканцевъ, выступивъ изъ Ташкента подъ предводительствомъ самого правителя этого города, Сабданъ-Ходжи, миновалъ Туркестанъ и занялъ разрушенное нами укрѣпленіе Джулекъ. Вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе о движеніи непріятеля къ форту «Перовскій». Для рекогносцировки приближающагося непріятеля и для отраженія его былъ высланъ отрядъ изъ 225 человекъ и 3 орудій подъ начальствомъ войсковаго старшины Бородина, который, соединясь съ съемочною партіею въ 50 человекъ, двинулся на встрѣчу непріятеля, бывшаго близъ Беръ-Казанской переправы, въ 28 верстахъ отъ форта при урочищѣ Кумъ-суатъ. Едва только отрядъ этотъ, силою въ 275 человекъ, при трехъ орудіяхъ, успѣлъ выстроиться въ боевой порядокъ, какъ густыя толпы коннаго непріятеля съ крикомъ бросились впередъ. Первый натискъ непріятеля былъ отраженъ картечью и батальнымъ огнемъ; но коканцы повторяли неоднократно свои атаки съ 11 часовъ утра до самыхъ сумерекъ. Утомясь боемъ и потерявъ значительное число убитыхъ и раненыхъ, они зажгли кругомъ нашей позиціи огни и расположились, по видимому, на ночь.

Окруженный непріятелемъ, потерявъ уже 5 человекъ убитыми и имѣя 21 человекъ раненыхъ, Бородинъ послалъ въ фортъ просить подкрѣпленія. Съ этою цѣлію отправились ночью вплавъ два казака и три киргиза. Подкрѣпленіе, въ числѣ 200 человекъ пѣхоты и казаковъ, при одномъ орудіи, прибыло къ отряду около полудня 25 августа. Но помощь эта была уже не нужна: еще передъ разсвѣтомъ секретные наши посты услышали движеніе въ непріятельской толпѣ, а съ самымъ разсвѣтомъ обнаружилось, что коканцы снялись и, отступая съ поспѣшностію, скрылись изъ виду. Посланные для преслѣдованія казаки не могли настичь непріятеля, неостановившагося даже въ Джулекѣ. Потеря коканцевъ въ этомъ дѣлѣ доходила до 192 человекъ убитыми, тѣла которыхъ найдены на самомъ мѣстѣ дѣйствія; раненыхъ же увезли они, по словамъ киргизовъ, на 96 верблюдахъ. Общая численность непріятеля простиралась болѣе чѣмъ до семи тысячъ.

(*) Сюда въ 1855 году перенесено было Аральское укрѣпленіе.

(**) Упраздненное въ 1855 году.

Между тѣмъ, возвращавшіеся изъ Кокана купцы съ товарами и киргизы приносили извѣстія о томъ, что въ Туркестанъ безпре-
станно подвозятъ съѣстные припасы, порохъ и свинець. Въмѣстѣ
съ тѣмъ распространился слухъ, что самъ ханъ коканскій намѣ-
ревается пріѣхать въ Туркестанъ съ тѣмъ, чтобы зимою, когда
замерзнетъ Сыръ-Дарья, идти къ форту «Перовскій». Однако, слухи
эти не подтверждались до конца ноября. 30 числа этого мѣсяца,
и въ особенности 4 декабря, начальникъ укрѣплений лѣваго фланга
сыръ-дарьинской линіи, подполковникъ Огаревъ, узналъ, что, по
приказанію хана коканскаго въ Ташкентѣ собрано главнокомандую-
щимъ ханскимъ Якунь-бекомъ значительное войско съ намѣреніемъ
дѣйствовать противъ русскихъ. Изъ Ташкента войско это 24 ноября
двинулось къ Туркестану; отсюда 2 декабря направилось на Яны-
курганъ и въ ночи съ 3-го на 4-е достигло Джулека. По вступле-
ніи въ Яны-курганъ коканцы послали къ беямъ кочующихъ ближе
къ намъ киргизовъ кипчакова рода воззваніе, которое послѣдніе
передали русскому начальству. Въ воззваніи этомъ коканцы, успо-
коивая киргизовъ, разглашали что не будутъ ихъ обижать, а идутъ
единственно противу русскихъ съ тѣмъ, чтобы выгнать ихъ не
только изъ форта «Перовскій», но даже и изъ прочихъ степныхъ
укрѣплений.

Положеніе сыръ-дарьинской линіи въ это время было еще далеко
не обезпечено; выслать же зимою подкрѣпленіе къ форту «Перов-
скій» не представлялось никакой возможности. Зимняя экспедиція
безъ особыхъ приготовленій предпринята быть не могла. Впрочемъ
гарнизонъ форта былъ относительно довольно силенъ; онъ состоялъ
изъ 631 человѣка пѣхоты, 287 кавалеріи, 95 артillerистовъ,
42 матросовъ; всего же изъ 1055 человѣкъ строевыхъ чиновъ,
при 14 орудіяхъ и 5 мортирахъ. Провіантомъ и прочими припа-
сами и снарядами фортъ былъ снабженъ на 1½ года. При такихъ
условіяхъ и принимая въ соображеніе удачный отпоръ, сдѣланный
въ августѣ приближившемуся въ превосходныхъ силахъ непріятелю,
можно было надѣяться на успѣхъ, въ случаѣ новаго покушенія.

Что же касается до фортовъ № № 2 и 3, отстоящихъ отъ форта
«Перовскій» на 200 и на 60 верстъ, то положеніе ихъ было го-
раздо затруднительнѣе. За отдаленностью имъ не могло быть по-
дано никакой помощи изъ форта «Перовскій»; слабыя укрѣпленія
форта № 3, по оставленіи его коканцами, исправлены не болѣе
того, сколько позволяла краткость осенняго времени; а фортъ № 2
былъ не болѣе какъ полевое укрѣпленіе, при большихъ снѣгахъ
недостаточно укрывавшее гарнизонъ. При этомъ, хотя по объему

этихъ фортовъ гарнизоны въ нихъ оставлены были достаточные, но тѣмъ не менѣе малочисленные: въ фортѣ № 2 находилось къ 1 декабря 55 человѣкъ пѣхоты, 54 человѣка кавалеріи и 7 артиллеристовъ; всего же 116 человѣкъ при одномъ орудіи; въ фортѣ же № 3 было 55 человѣкъ пѣхоты, 26 человѣкъ кавалеріи и 7 артиллеристовъ; всего же 88 человѣкъ при 1 орудіи. При упорномъ и продолжительномъ натискѣ многочисленнаго непріятеля имъ не легко было бы удержаться. Перовскій, предвидя возможность зимняго набѣга, еще осенью распорядился усиленіемъ гарнизона форта «Перовскій» сотнею уральскихъ казаковъ, которые въ началѣ декабря находились уже въ Аральскомъ укрѣпленіи. Слѣдующа оттуда къ мѣсту назначенія, сотня эта, если и не была бы допущена непріятелемъ до форта «Перовскій», то послужила бы значительнымъ подкрѣпленіемъ форту № 2.

Въ такомъ положеніи находились наши укрѣпленія на сырдарьинской линіи, когда 14 декабря, коканцы, въ числѣ отъ 12 до 13 тысячъ человѣкъ, съ 17 мѣдными орудіями на лафетахъ, подступили къ форту «Перовскій». Занявъ лагерь на лѣвомъ берегу Сыра въ 2½ верстахъ отъ форта, они, въ теченіе 14, 15, 16 и 17 чиселъ, пытались окружить крѣпость со всѣхъ сторонъ, но всякій разъ принуждены были возвращаться назадъ въ безпорядкѣ. Дѣйствіе непріятельской артиллеріи не причиняло намъ никакого вреда, между тѣмъ какъ огонь нашихъ орудій наносилъ имъ большой уронъ. Подполковникъ Огаревъ, сѣзавая невыгоду находиться долгое время въ осадѣ, въ укрѣпленіи еще недостроенномъ, рѣшилъ, не смотря на неравенство силъ, сдѣлать неожиданное нападеніе на непріятеля.

18-го числа, на разсвѣтѣ, онъ выслалъ съ этою цѣлію отрядъ въ 550 человѣкъ при 4 орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ подъ начальствомъ майора Шкупа, который, пользуясь туманомъ, подошелъ къ непріятельскому лагерю на разстояніи 400 сажень, занялъ песчанья возвышенности и въ 6¼ часовъ утра открылъ бѣглый артиллерійскій огонь. Непріятель отвѣчалъ сначала тѣмъ же, потомъ произвелъ нѣсколько атакъ съ фронта и фланговъ; всѣ атаки были отбиты картечью и ружейною пальбою. Наконецъ, непріятель окружилъ со всѣхъ сторонъ нашъ отрядъ, напирая особенно съ тыла и съ фланговъ. Положеніе отряда становилось затруднительнымъ; но майоръ Шкупъ далъ удачный оборотъ дѣлу. Замѣтя, что число коканцевъ при артиллеріи и въ лагерьѣ значительно уменьшилось, онъ бросился съ частію своего отряда впередъ, опрокинулъ непріятельскихъ стрѣлковъ и стремительно атаковалъ коканскую

артиллерію. Защитники ея обратились въ совершенное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ всѣ орудія и весь обозъ. Между тѣмъ, оставленная часть отряда на позиціи выдерживала сильный ружейный огонь и вступала даже въ рукопашный бой до тѣхъ поръ, пока коканцы, уstraшенные пламенемъ зажженного ихъ лагера и атакованные высланными изъ форта двумя отрядами, каждый изъ 80 человѣкъ, при одномъ орудіи, не отступили поспѣшно въ безпорядкѣ. Дѣло кончилось въ 12 часовъ. Коканцы потеряли до 2 тысячъ человѣкъ убитыми; наша же потеря состояла изъ 18 убитыхъ и 49 раненыхъ. Трофеи наши состояли изъ 4 бунчуковъ, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пудовъ пороху.

Въ апрѣлѣ 1854 года Перовскій получилъ свѣдѣнія, что въ концѣ зимы предшествовавшаго года у коканцевъ дѣлались большія военныя приготовленія. Въ Туркестанѣ собиралось войско; туда былъ присланъ литейщикъ съ приказаніемъ отлить нѣсколько пушекъ, для чего, по распоряженію тогдашняго бека туркестанскаго, отобрана была у жителей города мѣдная посуда. Въ Ташкентѣ ожидалось прибытіе сформированнаго десяти тысячнаго отряда; тамъ же и въ Коканѣ велѣно было откормить къ веснѣ по 800 лошадей, годныхъ къ походу. Цѣль всѣхъ этихъ снаряженій состояла въ защитѣ противъ русскихъ, если бы они пошли на Туркестанъ и Ташкентъ. Въ случаѣ же спокойствія съ нашей стороны, коканцы хотѣли раннею весною идти противъ укрѣпленій нашихъ на Сыръ-Дарьѣ и разграбить киргизовъ. Былъ также слухъ, что и ханъ хивинскій обѣщалъ коканцамъ прислать войска и пушки въ укрѣпленіе Ходжа-ніаса съ тѣмъ, чтобы отрядъ этотъ или дѣйствовалъ совокупно съ коканскимъ противъ форта «Перовскій», или въ то время, какъ коканцы будутъ осаждать этотъ фортъ, отрядъ изъ Ходжа-ніаса напасть бы на фортъ № 3. Однако, сколько было извѣстно, въ Хивѣ не дѣлалось на этотъ счетъ приготовленій.

Для большаго усиленія гарнизона форта «Перовскій», Перовскій предполагалъ даже упразднить фортъ № 3, неимѣвшій достаточной самостоятельности, въ случаѣ усиленнаго на него нападенія.

Ожидать отъ коканцевъ чего нибудь серьезнаго, послѣ взятія Афъ-Мечети и удачныхъ отраженій ихъ скопищъ въ концѣ прошлаго года было врядъ ли возможно. Однако необыкновенное разлитіе рѣкъ, бывшее въ томъ году, препятствовало принятію мѣръ въ усиленію нашихъ гарнизоновъ сыръ-дарьинской линіи и въ то же время затрудняло возведеніе укрѣпленій и необходимыхъ для гарнизона помѣщеній.

III.

Происшествія въ степи во время восточной войны. — Степной рыцарь Исеть-Кутебаровъ. — Попытка Перовскаго занять Ходжа-ніасъ. — Занятіе Джулека и разрушеніе Яны-кургана.

1854—1862.

Въ теченіе всего 1854 года безпрестанно возобновлялись слухи о приготовленіяхъ коканцевъ къ походу. Слухи эти заслуживали тѣмъ большее вѣроятіе, что подтверждались дѣйствіями коканцевъ въ степи сибирскаго вѣдомства. Оттуда безпрестанно получались свѣдѣнія о приготовленіяхъ киргизовъ. Сынъ бывшаго мятежника Кенисары Касимова, султанъ Али, собиралъ въ помощь коканцамъ шайку въ 7000 съ тѣмъ, чтобы нападеніемъ на киргизовъ Сибирской степи заставить ихъ отложиться отъ русскихъ. Желая увлечь на свою сторону и дикокаменныхъ киргизовъ, коканцы не только скрывали, что они понесли полное пораженіе въ 1853 году, но увѣряли, что сами разбили русскихъ на голову, а теперь, соединившись съ хивинскимъ ханомъ и бухарскимъ эмиромъ, и побуждаемые турецкимъ императоромъ, который извѣстилъ, что съ своей стороны выслалъ противъ русскихъ сильное войско, идутъ окончательно изгнать русскихъ изъ степи.

Бѣжавшій 18 декабря 1853 года изъ подъ форта «Перовскій», предводитель коканцевъ Суфи-бекъ говорилъ, что «мы такъ умерщвляли кяфировъ, что чрезъ трупы ихъ невозможно было пробѣжать лошади.»

До октября мѣсяца, однако, ничего особенно важнаго не произошло. Причина такой нерѣшительности со стороны коканцевъ объясняется отчасти отношеніями Кокана къ Бухарѣ, а отчасти собственнымъ безсиліемъ и страхомъ. Слухи говорили, что движеніе къ форту «Перовскій» и прибытіе къ нему было назначено еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Но появленіе на границахъ Кокана бухарскихъ войскъ заставило хана пріостановить походъ свой.

Пользуясь разстройствомъ въ Коканѣ, бухарскій эмиръ собралъ большое войско съ вѣроятною цѣлю дѣйствовать противъ Кокана при первомъ благоприятномъ обстоятельстве. Собранное эмиромъ войско, не получая ни довольствія, ни жалованья, было двинуто, по приказанію эмира, къ бухарской крѣпости Конагатчи, на границѣ Бухаріи съ Коканомъ, съ цѣлю разграбить пограничныя коканскія крѣпости. Это обстоятельство заставило коканскаго хана пріостановиться походомъ къ форту «Перовскій».

Съ другой стороны, можетъ быть, всѣ эти громкія приготовленія дѣлались только изъ трусости и опасенія, чтобы русскіе сами не двинулись на Туркестанъ и Ташкентъ.

Въ октябрѣ получено было съ сибирской линіи извѣстіе, сообщенное прибывшимъ туда казанскимъ купцомъ Хамитомъ Яхнинымъ изъ Ташкента. Во время его тамъ пребыванія прибылъ въ этотъ городъ хивинскій посолъ со свитою и приглашалъ ташкентскаго правителя сдѣлать общее нападеніе на фортъ «Перовскій». Но такъ какъ ташкентскій владѣтель былъ подчиненъ коканскому хану и безъ его разрѣшенія не могъ этого исполнить, то хивинскій посолъ отправился въ Коканъ. Результатъ этого посольства не былъ Яхну извѣстенъ, потому что онъ отправился раньше возвращенія въ Ташкентъ хивинскаго посла.

Между тѣмъ, лѣтомъ въ Ташкентѣ было произведено съ жителей четыре значительныхъ денежныхъ сбора, а по направленію къ сибирской границѣ выступилъ отрядъ.

Въ то время, какъ хивинскій посолъ предлагалъ союзъ коканскому хану, начальникъ хивинскаго укрѣпленія Ходжа-ніасъ присылалъ къ начальству смръ-дарьинской линіи посланцевъ съ увѣреніями въ дружескомъ расположеніи къ русскимъ. Слухъ же говорилъ о намѣреніи хивинцевъ въ значительныхъ силахъ сдѣлать вторженіе въ нашу степь со стороны Усть-урта по направленію къ Уральскому укрѣпленію.

Между тѣмъ, въ теченіе всей восточной войны, съ 1854 по 1856 годъ, въ степи ничего особеннаго не происходило, за исключеніемъ только усилившихся набѣговъ киргизскихъ шаекъ, въ особенности подъ предводительствомъ Исета Кутебарова. Человѣкъ этотъ, обращавшій на себя въ 1859 году общее вниманіе во всѣхъ петербургскихъ публичныхъ собраніяхъ, и фотографическій портретъ котораго до сихъ поръ выставленъ въ числѣ другихъ киргизовъ на одной изъ многотрудныхъ улицъ Петербурга, волновалъ степь почти двадцать лѣтъ. Мы скажемъ о дѣйствіяхъ его нѣсколько словъ.

Исетъ, сынъ извѣстнаго въ свое время по Малой ордѣ разбойника и барантовщика Кутебара, былъ всегдашнимъ товарищемъ своего отца, по смерти котораго неуклонно шелъ по его слѣдамъ. Имя Исета получило извѣстность въ степи еще съ 1822 года, ограбленіемъ бухарскаго каравана, шедшаго съ сибирской линіи. Исчислить всѣ мелочныя грабительства этого дерзкаго киргиза было бы невозможно, почему можно упомянуть только о замѣчательнѣйшихъ его дѣйствіяхъ.

Въ 1834 году онъ угналъ у киргизовъ джикеева рода отдѣленіе лошадей въ 1200 головъ; въ 1838 году похитилъ табунъ казачьихъ

лошадей съ самой линіи и увлекъ въ плѣнъ офицера и 6 казаковъ, которые впослѣдствіи были выручены; въ томъ же году онъ расхитилъ караванъ оренбургскихъ купцовъ на сумму болѣе 40 000 р. ассигн. У киргизовъ табынскаго рода отбилъ до 1500 лошадей, а подъ бывшимъ укрѣпленіемъ на Эмбѣ угналъ 200 штукъ порціоннаго скота. Въ 1840 году опять разграбилъ караванъ бухарскихъ и русскихъ купцовъ въ 60 000 р. ассигн. Въ 1842 году отбарантовалъ у киргизовъ разныхъ отдѣленій огромное количество скота и около 2000 лошадей.

Грабительства Кутебарова нерѣдко сопровождались убійствами, и Исетъ каждый разъ по совершеніи своихъ злодѣяній поспѣшно удалялся въ глубину степи, а иногда и въ хивинскія владѣнія. Такъ, между прочимъ, оставался онъ въ Хивѣ съ 1842—1844 годъ и, возвратясь оттуда въ орду, приложилъ все стараніе, чтобы выслужиться передъ русскимъ правительствомъ. Онъ сообщалъ пограничному начальству свѣдѣнія о замыслахъ и движеніяхъ бунтовавшаго въ то время зауральскую степь киргизскаго султана Кенисары Касимова; доставлялъ также свѣдѣнія и о дѣлахъ хивинскихъ.

Въ 1845 году прислалъ онъ бывшему султану-правителю западной части орды Бай Мухамеду Айчувакову письмо съ изъясненіемъ желанія и готовности во всемъ повиноваться начальству. Исетъ такъ искусно умѣлъ увѣрить Айчувакова въ своемъ раскаяніи и преданности, что тотъ, въ 1847 году, въ бытность свою въ Петербургѣ, ручаясь за благонадежность Исета, выхлопоталъ ему золотую медаль на анненской лентѣ. Но прежде, чѣмъ эта награда дошла до своего назначенія, уже получено было свѣдѣніе, что Исетъ Кутебаровъ, вызвавъ къ себѣ 100 человекъ хивинцевъ и составивъ значительную шайку изъ приверженныхъ ему киргизовъ, началъ грабить мирныя аулы, запрещая имъ вносить кибиточную подать и допускать насъ къ возведенію степныхъ укрѣпленій. Скопища его были разсѣяны посланнымъ противъ него отрядомъ и спокойствіе было восстановлено. Однако, оно продолжалось недолго. Въ 1848 году Кутебаровъ вторично призвалъ къ себѣ на помощь 600 хивинцевъ и сдѣлалъ внезапное нападеніе на шедшій въ Аральское укрѣпленіе транспортъ и на съемочный отрядъ. Попытка Исета не удалась; хивинцы были отражены и бѣжали, а Исетъ снова обратился къ султану-правителю Араслану съ письмомъ, въ которомъ еще болѣе чѣмъ прежде увѣрялъ въ своей преданности и покорности. На этотъ разъ увѣренія его были до нѣкоторой степени подкрѣплены и самыми поступками. Вслѣдъ за писмомъ онъ удовлетворилъ многія претензіи киргизовъ по барантамъ, представилъ полученную отъ хивинскаго хана возмутительную

грамату, возвратилъ часть товара, расхищеннаго въ 1847 году изъ бухарскаго каравана; наконецъ, въ 1849 году, доставилъ на линію значительное число скота, угнаннаго имъ у киргизовъ въ разное время.

Такими дѣйствіями Исеть успѣлъ до такой степени приобрѣсти довѣріе султана-правителя, что когда послѣднему поручалось слѣдить за продолжающимися тайными сношеніями Кутебарова съ хивинцами, то онъ всегда оправдывалъ его.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло Кутебарова до 1853 года, когда Исеть еще разъ выказалъ все свое вѣроломство подговоромъ своихъ однодворцевъ и другихъ киргизовъ не поставлять верблюдовъ для экспедиціи, снаряженной въ то время противъ Акъ-Мечети. По взятіи коканской крѣпости для наказанія Кутебарова былъ отправленъ отрядъ; но поискъ этотъ не имѣлъ успѣха, по причинѣ поздней осени, почему и былъ возобновленъ весною 1854 года изъ Уральскаго укрѣпленія, подъ начальствомъ товарища предсѣдателя пограничной комиссіи, подполковника барона Врангеля, который въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ хотя и успѣлъ достигнуть Кутебарова въ аулахъ, но захватить его, не могъ, потому что вызвалъ его для переговоровъ, давъ слово отпустить обратно. Впрочемъ, на этотъ разъ Кутебаровъ выдалъ преступниковъ, скрывавшихся въ его аулахъ, и далъ клятву, что явится въ Оренбургъ съ повинною для испрошенія помилованія.

Это обѣщаніе, подобно предшествовавшимъ, осталось безъ исполненія. Между тѣмъ, въ началѣ 1855 года сдѣлалось извѣстнымъ, что Исеть возобновилъ свои сношенія съ Хивою, даетъ убѣжище хивинскимъ сборщикамъ зяката и собираетъ шайку. Перовскій тогда же предписалъ начальнику Уральскаго укрѣпленія слѣдить за дѣйствіями мятежника, а султану-правителю Араслану Джантюрину приказалъ, по выступленіи въ степь съ своимъ казачьимъ отрядомъ и съ собранными при немъ 900 киргизами, идти на Кутебарова и стараться захватить его. Поискъ этотъ окончился всею неудачно.

Едва только султанъ-правитель успѣлъ отойти 7 іюля на 140 верстъ отъ Орской крѣпости, какъ шайка Кутебарова, въ числѣ 1500 человекъ, устремилась прямо на его кибитку, тогда какъ другая часть окружила казачій отрядъ, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ кибитки султана. Бывшіе при султанѣ до 900 человекъ киргизовъ тотчасъ же бѣжали; а остальные были перебиты. Самъ султанъ-правитель и нѣсколько должностныхъ ордынцевъ погибли въ этой схваткѣ. Разграбивъ все находившееся въ лагерѣ имущество, мятежники съ добычею удалились, а казаки, въ числѣ 75 че-

ловѣкъ, не будучи въ состояніи преслѣдовать хищниковъ, должны были, подобравъ раненныхъ и убитыхъ, отступить къ линіи.

Такая дерзость Кутебарова не должна была пройти безнаказанною, тѣмъ болѣе, что Исеть, наводя страхъ на мирныхъ киргизовъ оружіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ распространялъ и религіозныя воззванія, проповѣдую всеобщее противъ русскихъ возстаніе.

Хотя преслѣдованіе киргизскихъ шаекъ и весьма невыгодно лѣтомъ, потому что киргизы въ это время удобно могутъ перемѣнять своихъ усталыхъ лошадей, однако оставить преслѣдованіе Кутебарова было бы крайне невыгодно. Поэтому Перовскій тотчасъ же выслалъ въ степь изъ Орска, Оренбурга и Нижнеуральской линіи 600 казаковъ оренбургскаго войска, 300 человекъ уральскаго и учебный башкирскій полкъ въ полномъ составѣ, два орудія конной батареи и для прикрытія ихъ 50 человекъ изъ линійныхъ оренбургскихъ баталіоновъ. Весь отрядъ былъ порученъ полковнику Кузминскому.

Кромѣ того, Перовскій приказалъ начальнику Уральскаго укрѣпленія съ имѣющимися у него казаками дѣйствовать со стороны Мугоджарскихъ горъ во флангъ и въ тылъ мятежникамъ и ихъ ауламъ. Наконецъ, какъ резервъ, въ Орской крѣпости былъ собранъ башкирскій полкъ въ 800 человекъ.

Такимъ образомъ Исеть Кутебаровъ, по видимому, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. 3 августа Кузминскій настигъ шайку Кутебарова, въ числѣ 2000 человекъ, около песковъ Кумъ-Чеарганъ, при соединеніи р. Темира съ Эмбою, въ 360 верстахъ отъ линіи. Но хищники, еще будучи на разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла, разсѣялись въ разныя стороны. Посланный въ погоню отрядъ успѣлъ переколоть только нѣсколько человекъ и отхватить до 6000 штукъ скота и лошадей. Значительнѣйшая же часть ауловъ Кутебарова и его приверженцевъ откочевала заблаговременно и искала спасенія, направляясь въ пески Большіе Барсуки и къ Усть-урту.

Кузминскій раздѣлилъ свой отрядъ на нѣсколько частей и направилъ ихъ къ этимъ урочищамъ, а другой летучій отрядъ содѣйствовалъ изъ Уральскаго укрѣпленія.

Между тѣмъ, шайка Кутебарова, разсѣявшись, продолжала производить грабежи, преимущественно на транспортномъ пути, переносясь съ неизмѣрною скоростью изъ одной мѣстности въ другую. Поэтому для обезпеченія нашихъ сообщеній, какъ и для дальнѣйшаго преслѣдованія хищниковъ, оставалось, по необходимости, высланныя войска оставить въ степи до глубокой осени, если до того времени не удалось бы захватить главныхъ зачинщиковъ безпорядка

и ихъ аулы. Въ послѣднемъ случаѣ оставалось одно средство: всю зиму имѣть готовый отрядъ, содержать лошадей его на сухомъ фуражѣ и въ началѣ марта, когда лошади у ордынцевъ обезсилятъ отъ безкормицы, возобновить поискъ.

Когда получено было извѣстіе, что хищники ищутъ временнаго убѣжища на Усть-уртѣ, то всѣмъ тремъ отдѣльнымъ отрядамъ дано было такое направленіе, что, связанные между собою сильными разбѣздами, они окружали киргизъ на Усть-уртѣ, гдѣ тѣ не могли долго держаться по недостатку корма и воды (*). Кромѣ того, на самый Усть-уртъ былъ отправленъ летучій отрядъ, чтобы, въ случаѣ возможности, захватить собственные аулы Кутебарова. вмѣстѣ съ тѣмъ посланы были надежные ордынцы, для внушенія киргизамъ, что всякое преслѣдованіе прекратится, и они будутъ безпрепятственно допущены на ихъ обычныя зимовья, какъ только выдадутъ главныхъ зачинщиковъ и виновныхъ въ убійствѣ султана-правителя.

Однако, не смотря на всѣ эти распоряженія, экспедиція не имѣла успѣха. Хотя въ концѣ августа и началѣ сентября одинъ изъ отрядовъ Кузминскаго и разбилъ до 146 мятежныхъ ауловъ, но за то въ концѣ августа, отправленная Кузминскимъ за провіантомъ на Эмбу партія, въ числѣ 15 оренбургскихъ казаковъ и 7 киргизъ съ султаномъ Тунгачиномъ, была окружена на Темирѣ шайкою въ 500 человекъ. Казаки спѣшились и, уложивъ въючныхъ верблюдовъ, начали изъ за нихъ стрѣлять по киргизамъ, которые, отступивъ сажень на 150, въ свою очередь, открыли огонь изъ длинныхъ винтовокъ. Выстрѣлы ихъ были вѣрнѣе и губительнѣе нашихъ карабинныхъ. Перестрѣлка продолжалась около 4 часовъ, и въ это время всѣ казаки были переранены или убиты; въ числѣ послѣднихъ былъ и Тунгачинъ.

Когда огонь съ нашей стороны прекратился, то киргизы бросились на команду и перекололи раненыхъ; живымъ остался одинъ только казакъ Иванъ Михайловъ, сѣрвшійся между мертвыми тѣлами. Но киргизы замѣтили его, и хотя онъ уже былъ раненъ пулями въ руку и въ ногу, они нанесли ему еще пять ранъ пиками, а потомъ увлекли въ плѣнъ. Михайловъ, пользуясь темнотою ночи, бѣжалъ на уведенной имъ лошади, и на четвертый день едва живой явился въ отрядъ Кузминскаго.

(*) Полковникъ Кузминскій съ главнымъ отрядомъ долженъ былъ слѣдовать къ урочищу Чушка-гуль, а если позволятъ подножныя кормы, то и далѣе до Донгустау; другой отрядъ былъ направленъ чрезъ пески Большіе Барсуки до песковъ Кашкаръ-Ата; наконецъ, третій отрядъ, слѣдовавшій съ Нижнеуральской линіи, долженъ былъ двинуться внизъ по р. Эмбѣ до урочища Соръ-Булаки.

Такъ какъ въ это время наступили холода и ненастная погода, то, по необходимости, пришлось прекратить дальнѣйшія дѣйствія и вернуться на линію. Для усиленія обороны Уральскаго укрѣпленія и на случай ранней весенней экспедиціи въ степь, былъ оставленъ на зиму отрядъ изъ 300 оренбургскихъ казаковъ.

Экспедиція этого года противъ Кутебарова была весьма трудна для войскъ. Отряды, сформированные на скоро, выступили налегѣ; въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ каждый изъ нихъ прошелъ болѣе 2400 верстъ по безводнымъ пространствамъ безпирютной степи; отряды шли и въ лѣтній зной и въ октябрьскую стужу, весьма часто не имѣя горячей пищи по недостатку топлива.

Но нельзя сказать, чтобы экспедиція была вовсе бесполезна. Конечно, главной цѣли достигнуто не было: Исеть Кутебаровъ былъ еще на свободѣ, но за то мятежные ордынцы были строго наказаны; много ихъ погибло при преслѣдованіи; большое количество скота ихъ было нами отбито, а Исеть Кутебаровъ, оставленный значительною частью своихъ приверженцевъ, лишившись большей части своихъ ауловъ, бѣжалъ, какъ было слышно, на югозападную сторону Усть-урта къ туркменамъ. Вліяніе его между киргизами было весьма ослаблено.

Въ такомъ положеніи было дѣло до лѣта 1856 года. Въ іюнѣ же мѣсяцѣ, хотя въ степи все было спокойно, Перовскій, для предупрежденія новыхъ покушеній Исета Кутебарова, отправилъ для поиска отрядъ изъ трехъ сотенъ оренбургскихъ казаковъ, при одномъ горномъ единорогѣ, подъ начальствомъ подполковника Плотникова. Ему долженъ былъ содѣйствовать султанъ-правитель средней части орды, подполковникъ Баймухамедовъ.

Въ началѣ августа Плотниковъ, узнавъ, что Исеть Кутебаровъ, съ оставшимися при немъ аулами, кочуетъ около песковъ Асмантай-Матай, въ 350 верстахъ отъ р. Эмбы, пошелъ на Усть-уртъ; пройдя 160 верстъ, оставилъ свои тяжести подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ человекъ казаковъ и киргизовъ, а съ остальными двумя сотнями казаковъ и двумястами киргизъ о-дву-конь, съ цѣлю, поднявшись на Усть-уртъ, преградить Исету путь къ привольнымъ бережьямъ Каспійскаго моря, двинулся форсированнымъ маршемъ къ пескамъ Матай. Но въ открытой степи всего труднѣе скрыть движенія войскъ; хищные аулы соблюдали всѣ военныя предосторожности, и извѣщенные о приближеніи нашего отряда, поспѣшно бросились по направленію къ безплоднымъ берегамъ Аральскаго моря. Отрядъ нашъ безостановочно преслѣдовалъ ихъ 5 сутокъ; въ послѣдніе два дня онъ прошелъ 200 верстъ, двигаясь при 35° жара днемъ

и при 20° ночью. Дальнейшая погоня дѣлалась невозможною не столько по недостатку кормовъ, сколько потому, что бѣглецы вслѣдъ за собою заваливали и портили колодцы.

Однако, не смотря на эти неблагоприятныя обстоятельства, Плотникову удалось, благодаря быстротѣ его переходовъ, достигнуть части ауловъ, отбить у нихъ до 900 головъ разнаго скота и захватить нѣсколько ордынцевъ, родственниковъ Исета, участвовавшихъ въ убійствѣ султана-правителя Араслана-Джантюрина. Двое изъ нихъ, уличенные въ этомъ преступленіи, были преданы суду по полемому уголовному уложенію, а приговоръ военно-судной комисіи, по конфирмаціи Перовскаго, былъ исполненъ въ Уральскомъ укрѣпленіи, куда по этому случаю было собрано значительное число киргизовъ съ ихъ старшинами.

Во все время лѣта этого года порядокъ и спокойствіе въ степи не были нарушены, и даже не было ни одного случая разграбленія почти, какъ это случалось довольно часто въ предшествовавшіе годы.

Такъ и умеръ Перовскій, не успѣвъ смирить Кутебарова.

Между тѣмъ, въ май мѣсяцъ 1857 года выступилъ снова противъ Исета Кутебарова 3-хъ сотенный отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Плотникова. Извѣстно было, что Исетъ кочевалъ въ это время на Усть-уртѣ близъ ур. Асмантай-Матай.

Однако и на этотъ разъ Кутебаровъ успѣлъ уйти черезъ безплодные мѣста Усть-урта вдоль западнаго берега Аральскаго моря, по направленію къ хивинскому городу Кунграду. Плотниковъ послалъ было за нимъ небольшую партію, но она, найдя на пути своемъ колодцы заваленными и испорченными, вернулась обратно. Не видя возможности преслѣдовать Кутебарова по совершенно безводной и безкормной мѣстности и потерявъ притомъ нѣсколько лошадей отъ изнуренія, Плотниковъ вернулся къ пескамъ Малые Барсуки.

Едва только отрядъ Плотникова ушелъ съ Усть-урта, какъ загнанный въ безплодную степь западнаго берега Аральскаго моря, Исетъ снова вернулся съ своими аулами въ Асмантай. Но такъ какъ въ этихъ мѣстахъ онъ самъ же испортилъ колодцы, то, по необходимости перекочевалъ въ пески самъ, по близости къ нашему трехсотенному отряду уральскаго войска, бывшему подъ начальствомъ подполковника Бородина и расположенному близъ бывшаго эмбенскаго укрѣпленія. Бородинъ, узнавъ о томъ, тотчасъ же двинулся сначала внизъ по Эмбѣ, а потомъ перешелъ на Усть-уртъ и 11 сентября напалъ върасплохъ на аулы Кутебарова. До 600 головъ разнаго скота было захвачено; самъ же Исетъ въ началѣ дѣла скрылся съ нѣсколькими всадниками.

Для того, чтобы не допустить Кутебарова еще разъ вернуться къ Асмантаю, а также для прикрытія шедшей въ то время на Сыръ-Дарью ученой экспедиціи съ г. Сѣверцовымъ, отрядъ Плотникова опять пошелъ на Усть-уртъ, пробылъ тамъ 17 дней и 17 октября прибылъ, наконецъ, въ Орскую крѣпость.

Катенинъ, замѣнившій Перовскаго, убѣжденный въ трудности и почти въ невозможности захватить Кутебарова на Усть-уртѣ нашими отрядами, какъ бы они ни были подвижны и многочисленны, предлагалъ за лучшее подѣйствовать на мятежника мѣрами убѣжденія и общать ему прощенье, въ случаѣ совершенной его покорности и обязательства служить вѣрно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Катенинъ объявилъ прощенье всѣмъ принимавшимъ участіе въ набѣгахъ Джанъ-Ходжи. Эта мѣра имѣла успѣхъ, и бывшіе приверженцы Джанъ-Ходжи въ теченіе всего лѣта прикочевывали небольшими аулами къ Сыръ-Дарьѣ, изъявляя покорность. На слѣдующій годъ явился съ повинною къ Катенину, во время поѣздки его въ степь, самъ Исеть Кутебаровъ.

Говоря о походе Исета Кутебарова, мы опередили нѣсколько событія и не договорили о послѣднемъ дѣйствіи Перовскаго—его попыткѣ утвердиться на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, на рукавѣ ея—Куванъ-Дарьѣ.

На этомъ рукавѣ, къ западу отъ форта «Перовскій», въ 85 верстахъ къ юго-западу отъ нашего форта № 2, находилось въ то время основанное лѣтъ за десять (1846) хивинское укрѣпленіе Ходжа-ніасъ. Это былъ самый дальній укрѣпленный пунктъ на сѣверѣ хивинскихъ владѣній, служившій имъ оградой противу насъ и коканцевъ. Но пунктъ этотъ не столь важенъ былъ для Хивы въ военномъ, сколько въ финансовомъ отношеніи. Черезъ него проходили всѣ значительные бухарскіе караваны въ Россію и обратно; здѣсь то и собирало съ нихъ хивинское правительство значительную транзитную пошлину. Какъ для этой цѣли, такъ и для сбора зябята съ обитающихъ въ окрестностяхъ киргизовъ, въ Ходжа-ніасѣ находился постоянный гарнизонъ человѣкъ въ 100; самое же укрѣпленіе было снабжено нѣсколькими орудіями и крѣпостными ружьями. Первымъ основателемъ его былъ Ходжа-ніасъ, по имени котораго и названо самое укрѣпленіе, а послѣ него сынъ его Ирджанъ.

Въ 1856 году Ирджанъ, получивъ какое-то важное извѣстіе отъ своихъ родственниковъ изъ Хивы, взялъ 40 человѣкъ изъ гарнизона и послѣшно отправился туда самъ. Кочевавшіе въ окрестностяхъ киргизы, которые и прежде были недовольны хивинскимъ правительствомъ, прогнали оставшагося начальника, расхитили все

хивинское имущество, переломали крѣпостныя ружья и изрубили лафеты у пушекъ.

Первыми для насъ послѣдствіями этого факта было усиленіе воровства и грабежей, производимыхъ Ходжа-ніасскими киргизами, которые прежде удерживаемы были отъ того хивинскимъ начальствомъ крѣпости. Для предупрежденія еще большихъ безпорядковъ, необходимо было послать къ Ходжа-ніасу небольшой отрядъ, и пользуясь тѣмъ, можно было бы сдѣлать съемку. Если бы мы не заняли этой крѣпости, то это сдѣлали бы коканцы или бухарцы.

Въ хивинскихъ владѣніяхъ въ это время происходила страшная безурядица; нѣсколько хановъ оспаривали власть одинъ у другаго. Слухъ говорилъ, что, наскучивъ раздорами, хивинцы и каракалпаки просили уже бухарскаго эмира принять ихъ подъ свое покровительство; это должно было запутать наши отношенія къ Бухарѣ, и въ будущемъ надо было ожидать частыхъ и важныхъ столкновеній. На югъ отъ разрушенной крѣпости тянутся, къ сторонѣ Хивы и Бухары, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ безводные пески, по которымъ не могутъ двигаться большіе отряды войскъ, почему пески эти, никѣмъ не обитаемые, служили бы намъ противу бухарскихъ и хивинскихъ владѣній самою выгодною и безопасною въ военномъ отношеніи границею. Наконецъ, мы имѣли за собою и самое право.

До тѣхъ поръ считалось, что Ходжа-ніасъ безусловно принадлежалъ хивинскому правительству. Такое мнѣніе было основано на фактѣ владѣнія. Между тѣмъ, по разспросамъ на мѣстѣ, сдѣланнымъ по поводу предположенія о временномъ занятіи нами этого пункта, оказывалось, что мѣстность, на которой было возведено укрѣпленіе, коканцы вовсе не считали принадлежащею Хивѣ, почему въ теченіе десяти лѣтъ какъ существовало укрѣпленіе они два раза брали его и прогоняли оттуда хивинцевъ. Въ послѣдній разъ хивинцы, за позволеніе возвратиться назадъ заплатили коканскому беку Акъ-Мечети значительное количество скота. Слѣдовательно, пребываніе хивинцевъ въ Ходжа-ніасѣ было лишь терпимо коканцами. Мы же, какъ преемники коканцевъ въ этихъ мѣстахъ, не говоря уже о другихъ старѣйшихъ правахъ нашихъ на все пространство, занимаемое кочевьями киргизовъ Малой орды, имѣемъ полное основаніе считать ходжа-ніасскую мѣстность своею собственностію. И если мы не заняли этого пункта, то на то были другія причины.

Изъ съемокъ, сдѣланныхъ посланнымъ отрядомъ, и полученныхъ свѣдѣній оказалось, что глиняныя стѣны крѣпости и жилия въ ней помѣщенія, которыя всѣ были деревянные, сожжены или рас-

хищены киргизами. О починкѣ ихъ нельзя было и думать, а нужно было приступать къ постройкѣ новыхъ. Самая же мѣстность Ходжаниаса и ближайшія окрестности не общали никакихъ хозяйственныхъ удобствъ для нашего гарнизона. Между тѣмъ, невыгоды были весьма ощутительны. Укрѣпленіе было устроено среди болотъ, образуемыхъ протоками Куванъ-Дарьи; прѣсную колодезную воду можно было найти не ближе двухъ верстъ; топлива было мало, луговыхъ мѣстъ недостаточно, а сообщеніе съ фортомъ «Перовскій», неудобное во всякое время по множеству канавъ, въ половодіе дѣлается еще затруднительнѣе отъ переправъ, такъ что снабженіе укрѣпленія продовольствіемъ не могло быть въ достаточной степени обезпечено.

Поэтому отрядъ, посланный для предварительнаго занятія этого пункта, разрушивъ послѣдніе остатки укрѣпленія, вернулся обратно.

Этою попыткою была заключена дѣятельность Перовскаго въ Оренбургскомъ краѣ.

Назначенный по смерти его Катенинъ, въ 1859 году представилъ свои соображенія относительно нашихъ дѣйствій въ Оренбургской степи. Между прочимъ, онъ предполагалъ необходимымъ, для обезпеченія форта «Перовскій», занять бывшее коканское укрѣпленіе Джулекъ. Привести это въ исполненіе ему, за смертію его, не удалось. Это было сдѣлано уже нынѣшнимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Безакомъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было разрушить другое коканское укрѣпленіе Яны-курганъ, лежавшее вблизи Джулека.

Для постройки Джулека, отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дебу, былъ посланъ 7 апрѣля 1861 года. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, всѣ работы, какъ по возведенію верковъ, такъ и жилыхъ строеній, были окончены.

Между тѣмъ, 20 сентября былъ посланъ отрядъ къ Яны-кургану, который, послѣ 23 часовой пальбы съ нашей стороны, былъ разрушенъ.

Коканцы, желая отмстить за разрушеніе Яны-кургана и, въ то же время, не осмѣливаясь напасть на наши форты, рѣшились ограбить подвластныхъ намъ киргизовъ. По высылкѣ изъ форта «Перовскій» одной роты пѣхоты, коканскія шайки удалились къ Туркестану.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, для прикрытія Туркестана, коканцы, вмѣсто разрушеннаго Яны-кургана, приступили къ устройству новаго укрѣпленія въ 8 верстахъ выше старого.

Въ настоящее время на Сыръ-Дарьѣ находятся, слѣдовательно, слѣдующія укрѣпленія: фортъ № 1, фортъ № 2, форты «Перовскій» и Джулекъ.

Нельзя сказать, чтобы сыръ-дарьинская линія находилась вполнѣ въ удовлетворительномъ состояніи, и чтобы ничего уже не оставалось желать для ея устройства.

При первоначальномъ устройствѣ ея, имѣлись въ виду, между прочимъ, два условія:

1) Она должна была охранять границу имперіи отъ хищническихъ покушеній со стороны среднеазіятскихъ владѣній, и

2) должна была надежнымъ образомъ обезпечить наши торговыя сношенія съ ханствами.

Но слѣдуетъ сказать, что обѣ эти цѣли не вполнѣ достигнуты.

Наши форты не въ состояніи охранять страны отъ непріятельскихъ вторженій. Конечно, собственная ихъ безопасность обезпечена даже въ томъ случаѣ, если бы они были атакованы и значительными силами Хивы или Кокана; но за то они недостаточно сильны для того, чтобы предупреждать ордынскія скопища, защищать нашихъ киргизовъ и караваны отъ грабежа и насилія, и страхомъ немедленнаго наказанія обуздывать дерзость сосѣдей.

Въ промежутокъ, междулѣво-фланговымъ фортомъ и передовыми сибирскими укрѣпленіями по рѣкѣ Сару-Су, коканцы имѣютъ полную возможность прорываться, какъ въ Сибирскую, такъ и въ Оренбургскую степь и грабить нашихъ киргизовъ.

Торговыя сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою также отнюдь не обезпечиваются вполнѣ фортами сыръ-дарьинской линіи. Все содѣйствіе, которое форты эти оказываютъ караванамъ, состоитъ въ предоставленіи имъ нѣсколькихъ судовъ, для переправы чрезъ Сыръ-Дарю; но ни конвоировать, ни защищать этихъ каравановъ мы не въ состояніи. Поэтому, правитель Ташкента требуетъ отъ бухарскихъ каравановъ, чтобы они проходили чрезъ Ташкентъ для уплаты огромной пошрины; а если тѣ отказываются отъ этого требованія, то грабить ихъ.

Сообщеніе сыръ-дарьинской линіи съ оренбургскою, между Орскою крѣпостію и Уральскимъ укрѣпленіемъ, облегчено устройствомъ киргизскихъ почтовыхъ станцій; но между уральскимъ укрѣпленіемъ и сыръ-дарьинскою линіею лежитъ самая бесплодная часть степи, гдѣ вода достается только изъ копаней. Устройство правильнаго сообщенія по Кара-кумскимъ пескамъ, представляетъ большія затрудненія. Скудость подножнаго корма въ пескахъ едва-ли позволить держать здѣсь, когда нибудь, на почтовыхъ станціяхъ лошадей. Развѣ можно будетъ завести здѣсь только верблюдовъ, посредствомъ которыхъ, сообщеніе хотя и будетъ довольно медленнымъ, но за то постояннымъ и правильнымъ.

Хозяйство войскъ, составляющихъ гарнизоны укрѣпленій, подвержено весьма большимъ неудобствамъ и случайностямъ. Пространство, занятое фортами сыръ-дарьинской линіи, не представляетъ возможности мѣстными средствами продовольствовать войска провіантомъ и необходимыми въ домашнемъ хозяйствѣ предметами первой потребности. Хотя кочующіе киргизы и занимаются хлѣбопашествомъ, но ограничиваются посѣвомъ проса и ячменя и притомъ только для своего продовольствія; ржи не сѣютъ вовсе, а пшеницу хотя и сѣютъ, но въ весьма маломъ количествѣ; хлѣбопашество и не разовьется тамъ, пока киргизы не убѣдятся въ томъ, что они могутъ заниматься земледѣліемъ, не опасаясь грабительства коканскихъ и хивинскихъ шаекъ. Самое воздѣлываніе пашень сопряжено съ большимъ трудомъ и требуетъ орошенія. Въ заведенныхъ огородахъ готовится на зиму достаточно овощей, но весьма часто труды войскъ пропадаютъ совершенно даромъ отъ налета саранчи, отъ которой нѣтъ никакой возможности избавиться.

Сѣнокошеніе производится въ окрестностяхъ фортовъ, по обоимъ берегамъ Сыра, на разстояніи отъ укрѣпленій отъ 24 — 25 верстъ. На мѣстахъ, гдѣ теперь косятъ сѣно, прежде росъ одинъ камышъ, частію вырѣзанный для топлива, частію же выжженный, что и образовало дуга, на которыхъ растутъ трава порядочнаго качества. Если разливъ Сыръ-Дарьи не великъ, то сѣна, для прокормленія лошадей и скота, накашивается достаточно; если же вода очень высока, то большая часть луговъ заливадается, и тогда возможность заготовленія сѣна, въ достаточномъ количествѣ, бываетъ сомнительною, потому что трава, оставаясь долгое время подъ водою, дѣлается негодною для сѣнокошенія. Въ это время необходимо скотъ и лошадей держать на зерновомъ фуражѣ.

Что касается хозяйства офицеровъ и чиновниковъ, то они далеко не могутъ считать себя въ тѣхъ выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся, въ этомъ отношеніи, нижніе чины. Это происходитъ отъ того, что они лишены возможности пріобрѣтать на мѣстѣ не только дешево, но, по крайней мѣрѣ, за постоянную цѣну и во всякое время, продукты первой необходимости. Купечество наше ведетъ весьма выгодную торговлю скотомъ съ сыръ-дарьинскими киргизами и съ приходящими изъ Хивы и Бухары караванами, но, видимо, пренебрегаетъ мелочною торговлею въ фортахъ. Лавки нашихъ купцовъ при фортахъ, въ которыхъ торговля производится безпошлинно, нерѣдко остаются пустыми; все продаваемое въ этихъ лавкахъ бываетъ низкаго качества, а цѣны, не смотря на таксы и ограниченія, поднимаются по произволу прикащиковъ, хорошо знающихъ, что кромѣ ихъ лавокъ, купить болѣе негдѣ.

Отсутствіе лѣса лишаетъ возможности изготовлять здѣсь самыя необходимыя хозяйственныя орудія и подѣлки; мѣстный же строительный матеріалъ состоитъ изъ глины. Необходимо, слѣдовательно, доставлять сюда съ оренбургской линіи все, начиная отъ самыхъ главныхъ до самыхъ мелочныхъ потребностей; а эта необходимость вовлекаетъ казну въ огромные расходы.

Цѣна за перевозку тяжестей изъ Оренбурга на сырѣ-дарьинскую линію, съ каждымъ годомъ возрастаетъ все болѣе, и въ особенности же на пространствѣ между фортомъ № 1 и «Перовскій». Возрастаніе дороговизны происходитъ, главнымъ образомъ, отъ трехъ причинъ:

1) Отъ возвышенія цѣнъ на рогатый скотъ, который, почти исключительно, употребляется для перевозки тяжестей.

2) Отъ трудности сообщенія по безводнымъ пескамъ; и

3) отъ недостатка подножнаго корма, какъ въ Кара-кумскихъ пескахъ, отъ увеличенія числа обозовъ, такъ, въ особенности, и на транспортной дорогѣ, между фортами № 1 и «Перовскій». Недостатокъ же подножнаго корма происходитъ отъ возрастающаго съ каждымъ годомъ числа переходящихъ къ намъ изъ Кокана и Хивы киргизовъ, которые кочевками своими окончательно истребляютъ и безъ того скудный, подножный кормъ.

Но кромѣ этихъ неудобствъ, возвышеніе цѣнъ происходитъ и отъ того, что извозчики, видя, что правительство не имѣетъ никакихъ средствъ къ перевозкѣ по линіи вообще, и на пространствѣ, между фортами № 1 и «Перовскій», въ особенности, берутъ цѣны, какія хотять (*). Прежде доставка изъ Оренбурга въ фортъ «Перовскій» обходилась отъ 1 руб. 5 коп. до 1 руб. 10 коп. съ пуда; въ 1859 году плата эта возрасла до 1 руб. 4 коп. (?) Все это до такой степени увеличиваетъ цѣну за доставку предметовъ, что, напримѣръ, доставка бревна, длиною въ 3 саж. и толщ. въ 7 верш., обходится въ 12 руб. Изъ этой суммы 3 руб. полагается за вырубку его въ Наурзумскомъ бору и доставку до Оренбургскаго укрѣпленія, 7 руб. за доставку оттуда до Джулека, и наконецъ 2 руб. на ремонтірованіе казенныхъ дорогъ, при перевозкѣ каждаго бревна.

Сообщеніе между фортами происходитъ посредствомъ киргизовъ-почтарей, которые рассылаются, съ казенными бумагами, какъ изъ одного форта въ другой, такъ и на Оренбургскую линію. Дорога, по которой слѣдуютъ наши транспорты, идетъ, отъ форта № 1 до форта «Перовскій», правымъ берегомъ Сыра, по пустынной, неприютной и, мѣстами, безкормной степи. Поэтому, рассылка бумагъ, переѣзды служебныхъ лицъ и перевозка даже небольшихъ тяжестей между фортами производится весьма медленно. Во время сильнаго

(*) Пароходство возможно только при полной водѣ.

разлитія Сыра, путь верхомъ, на пространствѣ отъ слиянія Джаманъ-Дарьи съ Куванъ-Дарьей до форта «Перовскій», совершенно невозможно. Все низменное побережье, между истоками Кувана и Яны-Дарьи, покрывается водою. При движеніи по рѣкѣ, баркасъ тянется бичевою. Люди, идущіе бичевою, должны двигаться по колѣно, а иногда и по поясъ, въ водѣ. При неоднократной смѣнѣ людей, путь, отъ слиянія Джаманъ-Дарьи съ Куванъ-Дарьей до форта «Перовскій», продолжается, иногда, до 17 часовъ времени.

Въ отношеніи гигиеническихъ условий, сыръ-дарьинская линія находится въ положеніи удовлетворительномъ. Больныхъ не бываетъ много, что, главнымъ образомъ, зависитъ отъ климата края. По отзывамъ мѣстныхъ медиковъ, употребленіе въ пищу сырыхъ плодовъ и овощей, даже въ неумѣренномъ количествѣ, весьма рѣдко сопровождается разстройствомъ желудка; всякія раны излечиваются чрезвычайно скоро, и всѣ болѣзни, безъ исключенія, имѣютъ характеръ доброкачественный; нѣкоторыя же изъ нихъ, какъ болѣзнь груди и перемежающаяся лихорадка, почти вовсе неизвѣстны.

Изъ другихъ мѣстныхъ свойствъ края, необходимо указать на безчисленное множество слѣпней и комаровъ. Киргизы и казаки здѣсь не иначе ѣздятъ на лошадяхъ, какъ покрывая ихъ съ ногъ до хвоста и подъ брюхомъ попонами. Если не взята эта предосторожность, то лошади просто ложатся подъ сѣдокомъ. Рогатый скотъ, строевые казачьи лошади и верблюды, находящіеся раннею весною въ весьма удовлетворительномъ состояніи, лѣтомъ, отъ слѣпней и комаровъ, не только приходятъ въ изнуреніе, но гибнутъ цѣлыми десятками. Киргизы, кочующіе лѣтомъ по берегамъ Сыръ-Дарьи, оставляютъ здѣсь только самое ограниченное и необходимое для полевыхъ работъ количество скота; остальныхъ же угоняютъ на лѣтніе мѣсяцы въ пески Кара-кумъ. По этой то причинѣ и бываетъ весьма трудно найти лѣтомъ возчиковъ для перевозки тяжестей.

Безчисленное количество слѣпней и комаровъ на Сыръ-Дарьѣ вреднымъ образомъ отражается и на казакахъ. Изъ числа являющихся сюда на службу, около $\frac{1}{3}$ части скоро становится безконною; другая треть дѣлается худоконною; такъ что около одной третьей части бываетъ годною для употребленія въ дѣло, сообразно своему назначенію—составлять подвижной резервъ. Но и эта часть весьма рѣдко настигаетъ преслѣдуемаго непріятеля.

Итакъ, мы занимаемъ, въ настоящее время, почти безплодное протяженіе Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, на пространствѣ между Джулекомъ и сибирскимъ укрѣпленіемъ «Вѣрное», лежитъ сѣверная часть коканскаго ханства, славящаяся своимъ прекраснымъ климатомъ, плодородіемъ почвы и обширными угодьями.

С. Зиковъ.